И. БУДАНЦЕВ

БОЕВАЯ МОЛОДОСТЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор повести — участник гражданской войны, чекист — рассказывает о борьбе с контрреволюцией на Украине.

- Боевая молодость
  - ○

И. БУДАНЦЕВ
БОЕВАЯ МОЛОДОСТЬ
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Годы гражданской войны. Каждый советский человек знает, какими мучительно тяжелыми были они для молодой Республики Советов, какой дорогой ценой был завоеван мир. Контрреволюция бросила против Советского государства огромные силы. Враги не могли примириться с существованием страны, где у власти стояли рабочие и крестьяне.

События, описываемые в этой книге, нельзя отнести к разряду серьезно повлиявших на ход гражданской войны. Это лишь один из многих эпизодов, одна из операций, проведенных военными чекистами по разгрому вражеской агентуры в тылу Красной Армии. Однако из таких многочисленных больших и малых побед складывался общий успех, формировалась победа.

Главное достоинство повести прежде всего в том, что она написана на основе подлинных событий, происходивших в 1920 году в городе Екатеринославе (ныне город Днепропетровск). Этот город Врангель рассматривал как один из ключевых пунктов для своего будущего наступления. Естественно, что поэтому белогвардейская контрразведка предпринимала шаги для создания шпионской группы в этом районе. Усилия чекистов сорвали замыслы врага.

Все дальше и дальше в историю уходит от нас гражданская война, послеоктябрьская эпоха великих классовых битв, в которых формировался, становился на ноги новый советский человек.

Как ни тяжело говорить, но теперь, в восьмидесятых годах, все меньше остается среди нас людей, закаленных в огне тех жестоких схваток. Таково неумолимое, быстротечное время. Именно поэтому для нас крайне дороги рассказы ветеранов о тех героических днях.

Иван Иванович Буданцев — один из таких людей. Его жизнь — пример служения долгу, своей Родине. До революции он учился в Горном институте, затем в Одесской школе прапорщиков. После Октября перешел на сторону революции, в 1918 году вступил в партию большевиков, воевал во Второй Конной Армии, был полковым комиссаром. Затем работал в органах ВЧК — ГПУ, в партийном аппарате, служил в Советской Армии, демобилизовался в должности начальника кафедры одной из ленинградских военных академий. Сейчас он персональный пенсионер, кандидат технических наук, полковник в отставке, активный общественник.

Он редко рассказывает о себе, держится всегда скромно и просто. Однажды один из его старых приятелей увидел записи Ивана Ивановича на его рабочем столе и попросил домой почитать… Так родилась эта книга.

Павел Кренев

Шла гражданская война. Я служил военкомом в 186-м полку 21-й стрелковой дивизии. Весной двадцатого года мы стояли в Новочеркасске, ждали отправки на фронт сражаться с белополяками. В стране свирепствовал тиф. Вдруг свалил он и меня. Мне было двадцать два года, я был здоров и крепок. Вскоре выздоровел, но тиф оказался возвратным. Второй приступ я перенес на ногах, когда грузились в эшелоны. Но третий, самый сильный, опять свалил меня уже в пути на фронт. Во сне я метался от жара и бредил. На станции Козлов меня сдали на эвакопункт. Из Козлова увезли в Тамбов. Когда выздоровел, меня назначили военкомом 202-го эвакогоспиталя в Тамбове.

Молодая республика наша получила тогда передышку: блокаду сняли, из шести фронтов остались только два: Западный и Юго-Западный. Врангель, сменивший Деникина, сидел в Крыму. С поляками велись переговоры о мире. В стране надо было восстанавливать разрушенное хозяйство и в первую очередь шахты Донбасса. Нужны были свои специалисты. Совет труда и

обороны постановил: всех студентов горных институтов откомандировать из армии на учебу. Меня, как бывшего студента Петроградского горного института, направили из Тамбова в Петроград. Перед отъездом я пошел в госпиталь проститься с ранеными красноармейцами. Среди них находился мой однополчанин по родному 186-му полку. Рядовой боец. Узнав, куда и зачем я еду, он стал убеждать меня, чтоб я взял направление в Екатеринослав. Там тоже есть горный институт и живут его родители. Они устроят мне жилье и всячески помогут, покуда я не обживусь. Да и с продуктами в Екатеринославе гораздо лучше, нежели в Питере.

Я согласился с ним. Мне выписали новую командировку.

Через несколько дней я приехал в Екатеринослав, совершенно не подозревая, что ждет меня в этом городе. В канцелярии института сказали, что занятия в сентябре, возможно, не начнутся. Профессорско-преподавательский состав еще не подобран. Общежития не отремонтированы. Я должен найти временное жилье, тогда меня оформят. Я уже решил идти к родным моего бывшего однополчанина, но в коридоре меня окликнула одна из сотрудниц канцелярии, молодая и миловидная женщина.

— Одну минуточку, товарищ Буданцев, — сказала она. — У меня есть знакомые, очень хорошие люди, Петровы. Муж и жена. Очень хорошие люди, — повторила она. — Он — художник и преподает в школе рисование, а жена — домохозяйка. Сын их погиб на германском фронте. Понимаете, они боятся уплотнения, сами просили меня направить к ним какого-нибудь порядочного студента, а то ведь бог знает кого подселят!..

То, что эта миловидная женщина сразу приняла меня за порядочного, польстило мне. Я, правда, был высок, строен, выправка офицерская. Откуда такая выправка у студента? В мае 1917 года меня и других моих сокурсников 1898 года рождения призвали в армию и направили в Одесскую студенческую школу прапорщиков. После окончания ее я получил назначение в Симферополь. По пути туда я узнал о свершившейся революции. Я сорвал погоны, уехал к родным в Тамбов, где вступил в партию, в Красную Армию.

Выслушав женщину из канцелярии, я задумался. Родители моего однополчанина не ждут постояльца, возможно, я им буду в тягость. И я отправился к Петровым.

Хозяйку звали Марией Григорьевной, а мужа ее — Николаем Ивановичем. Приняли они меня очень приветливо. Как родного. Как оказалось, — бывают же такие совпадения! — их сын тоже

учился в Горном институте, тоже, только годом раньше меня, закончил Одесскую школу прапорщиков. Погиб он в Австрии во время Брусиловского прорыва. За ужином Петровы рассказывали, какие ужасы творились в городе за последние годы: когда отступали деникинцы, за Александровской больницей в овраге расстреляли более трех тысяч рабочих, пленных красноармейцев. Солдаты грабили население.

— И чеченцы народ грабили, — говорила Мария Григорьевна. — И махновцы тоже грабили и убивали. По ночам, Ваня, и сейчас бандиты покоя не дают. А в чека, говорят, — шептала она с испугом на лице, — как заберут человека, то уж больше никто его не увидит…

Я видел, как хозяева мои испуганы и как они рады мне. Я пообещал, что в общежитие не уйду. Все годы учебы буду жить у них.

И Петровы, возможно, впервые за последние годы уснули спокойно.

Моей прежней зачетной студенческой книжки было достаточно для того, чтобы зачислить меня в институт. Правда, требовалось еще свидетельство о рождении, но оно было у родителей. Тогда сделали выписку из моего партийного билета, что, как потом оказалось, и сыграло значительную роль в дальнейшей моей судьбе.

После боев, походов жизнь в южном городке казалась мне сказочной. Но длилась идиллия недолго.

Однажды ночью — это было в середине сентября — я вдруг проснулся. Вроде бы прогремел гром.

Я выглянул в окно: черное небо сплошь усеяно яркими осенними звездами. На грозу непохоже. Но опять донеслись раскаты грома. Я быстро оделся, вышел за калитку.

По голосам, доносившимся из темноты, понял, что соседи тоже стоят возле своих дворов. А гром гремел и гремел где-то к югу от города.

«Должно быть, там устроили полигон, — думал я, — и ведут учебные стрельбы». И отправился 8 спать.

Утром разбудили меня тревожные голоса. Мария Григорьевна, вернувшаяся с базара, рассказывала мужу, что через город за Днепр идут наши войска и обозы и где-то близко стреляют пулеметы. Народ говорит, будто Врангель прорвал фронт, занял Александровск, наступает на Екатеринослав. А на мост красные никого не пускают.

Я вскочил, быстро оделся.

— Господи, господи, — повторяла хозяйка, пересказав мне

новости, — что же теперь опять будет?

И хозяин смотрел на меня так, будто от меня зависело положение на фронте.

— Успокойтесь, успокойтесь, — говорил я. — У Врангеля нет таких сил, чтоб занять город. В город его не пустят. — Так я их успокаивал. У самого кошки скребли сердце. Я-то понимал: если Врангель прорвал фронт, положение дрянь.

Еще летом войска Врангеля вырвались из Крыма в Северную Таврию. Врангелю помогали французы, англичане, американцы. Поставляли танки, самолеты, оружие, продовольствие. К тому же, оказалось, что у Врангеля прекрасная донская конница, которая совершала стремительные рейды, нанося удары, где мы и не ждали. Врангель хотел захватить Донбасс, укрепиться там. Затем форсировать Днепр в районе Александровска, соединиться с белополяками, которые мечтали отнять у нас всю Украину до Днепра.

— Сейчас все узнаем. Не волнуйтесь, — сказал я Петровым и побежал в губком.

С юга доносилась канонада, а восточнее, со стороны Синельникова, слышалась пулеметная стрельба.

В губкоме никого не было, но здание охранял красноармеец. Оказывается, вчера вечером губком эвакуировался.

Я бросился в военкомат. Там тоже никого. Что делать? Видимо, город сдадут. А в институте мое личное дело, где выписка из партбилета и адрес, то есть все шансы попасть в контрразведку белых. Я побежал к Петровым за своим чемоданом. Добрые и перепуганные мои старики стали уговаривать остаться у них.

— Сыночек, Иван Иванович, — говорила Мария Григорьевна, глотая слезы, — документы Мити у нас целы. Мы скажем, вы наш сын. Соседи не выдадут, мы ручаемся. Они хорошие люди. И переждете у нас!

Но остаться я не мог.

Я бросился к вокзалу. Уже вечерело. Гул артиллерийской стрельбы, казалось, приблизился. Уже совсем близко, где-то восточнее строчили пулеметы. Перед зданием вокзала стоял эшелон. Меня к нему не подпустили.

— Назад, назад! Это эшелон Ревтрибунала Второй Конной.

На вторых путях еще эшелон. Я предъявил часовому документы. Он указал мне на классный вагон.

— Вот туда иди. Там начальник эшелона товарищ Турло, — сказал он.

— А кто в этом эшелоне едет?

— Иди, там тебе Турло скажет. — В голосе часового я уловил

вроде бы усмешку.

У классного вагона опять часовой.

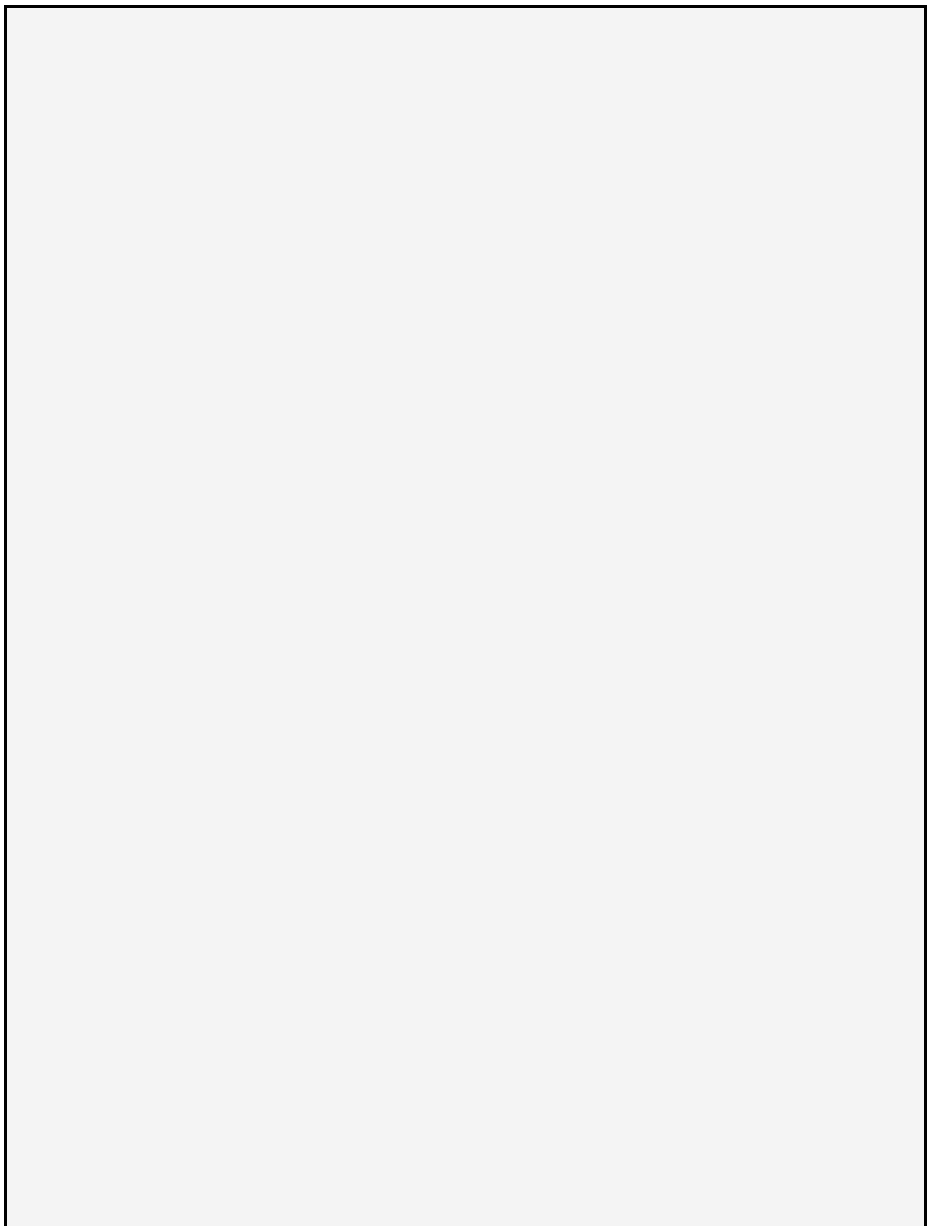
— Что нужно?

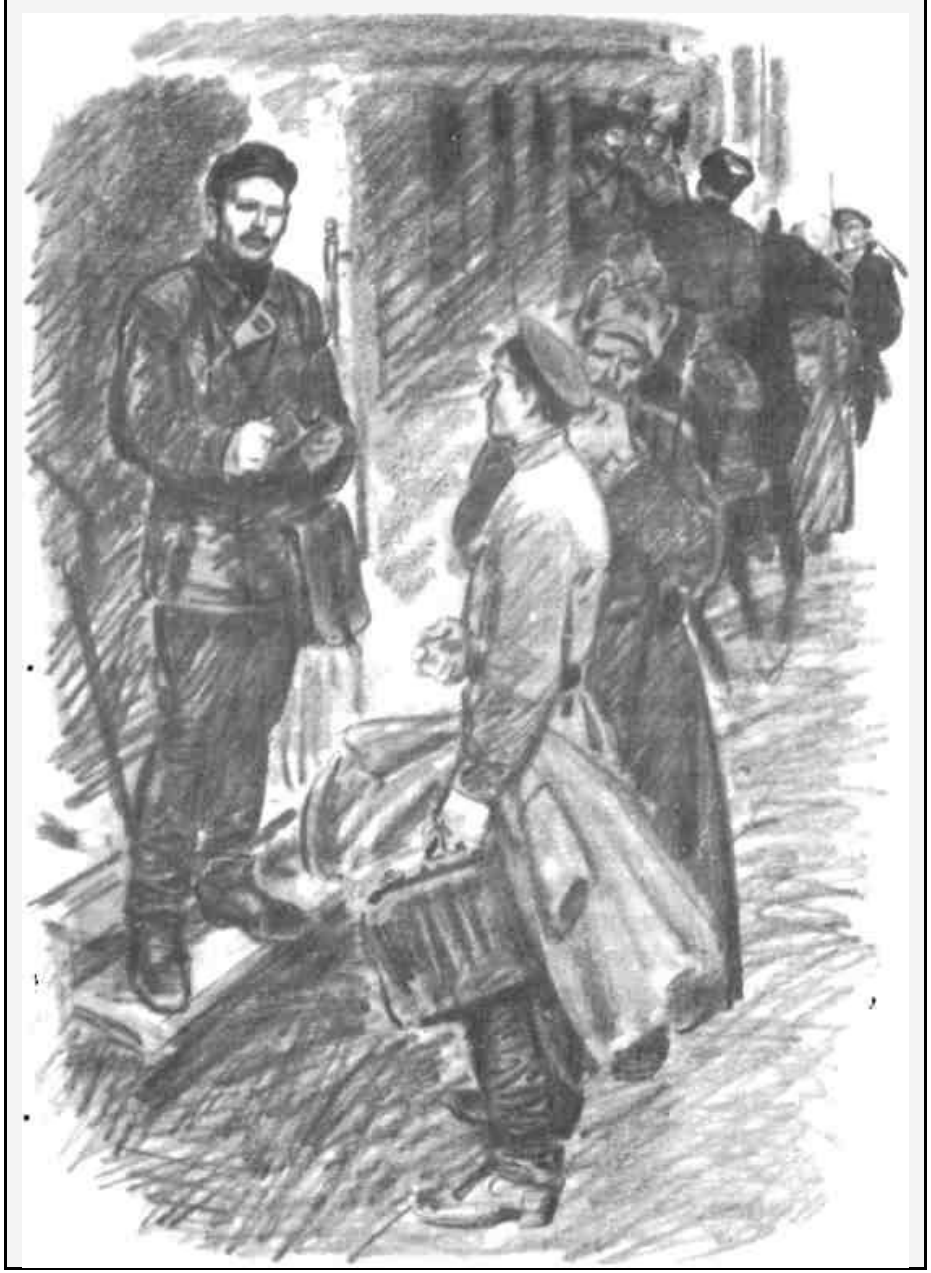
— Мне нужен товарищ Турло. Да кто же здесь едет?

Часовой поднялся в тамбур, открыл дверь и крикнул:

— Тут пришли к товарищу Турло!

В тамбуре появился небольшого роста черноглазый мужчина в галифе, в хромовых сапогах, куртка подпоясана кавказским ремешком. Он внимательно осмотрел меня.





— Что вам, товарищ? — спросил он, глядя в упор на меня.

Держа документы в руках, я поведал, в каком я оказался положении. Он сошел на землю, внимательно посмотрел документы и вернул их мне.

— Помочь ничем не могу. Этот эшелон особого отдела. Работа у нас секретная. Извините, взять не могу вас. — Он полез обратно в вагон.

— Что же мне делать? — Я начинал сердиться.

— Не знаю. — И он скрылся в вагоне.

Я стоял и не знал, что мне делать.

— Товарищ, подойдите сюда! — Из соседнего вагона вышел мужчина в гражданской одежде, лет двадцати пяти. Я подал документы, рассказал, в каком оказался положении.

— А где остальные ваши студенты? — спросил он.

— Не знаю. Институт закрыт. Я ни с кем еще не успел познакомиться.

В глазах его мелькнула улыбка.

— Хорошо, — сказал он. — Я сам студент третьего курса Московского университета. Помогу вам выбраться отсюда. Моя фамилия Борисов. Я начальник Информационного отделения. Напишите на мое имя заявление, что просите принять вас на работу. Пишите в таком духе: враг перешел в наступление, вы считаете, что сейчас не время учиться. Я зачисляю вас письмоводителем при отделении. Должность небольшая, но вернемся обратно, уволиться вам будет несложно…

Что такое военная теплушка на сорок человек, я отлично знал. В ней нары в два этажа, застеленные соломой, чугунная печка, куча угля или ворох дров, запах заношенного белья. И еще запах конюшни. Потому что до тебя в этом вагоне непременно перевозили куда-то лошадей.

Теплушка Борисова выглядела иначе. Стояло шесть кроватей, заправленных по всем правилам довоенного времени. Два настоящих письменных стола, два венских стула. Маленький столик с пишущей машинкой и еще столик с полевым телефоном. Увидев все это оборудование, я понял, что Особый отдел работает и в дороге. Я написал заявление.

Ночью эшелон тронулся, увозя в одном из вагонов бывшего военкома полка, дважды бывшего студента, а теперь письмоводителя Информационного отделения Особого отдела ВЧК Второй Конной Армии.

В вагоне жили и работали еще два сотрудника Борисова: делопроизводитель Фадеев и уполномоченный по фамилии Плаксин.

Откровенно говоря, я тогда совершенно не имел понятия, в чем заключается работа Особых отделов. Когда я был еще секретарем военкома полка, часто получал бумажки, в которых предлагалось срочно сообщить сведения в Особый отдел дивизии. Точно такие же сведения я, случалось, уже передавал в Политотдел дивизии и удивлялся, почему Особый отдел не желает взять их в Политотделе.

— Ты пиши, пиши, студент, — говорил военком, — и ежели не хочешь иметь неприятностей, то в первую очередь исполняй, что требует Особый отдел. А потом уже все остальное.

…Эшелон шел на север от Екатеринослава. Я сидел за столиком, заполнял анкеты. И, заполняя их, я уяснил, куда я поступил работать: в Особый отдел ВЧК, который ведет работу по ограждению Красной Армии от шпионов и контрреволюционеров.

Когда я кончил работу, Борисов просмотрел анкеты.

— Хорошо, — сказал он. — Ложитесь отдыхать.

— А товарищу Турло надо будет представиться? — спросил я.

— Не нужно. Он сам после беседы с вами позвонил мне, посоветовал взять вас на работу к нам в отделение.

Вот так нежданно-негаданно я стал чекистом.

Работа была простая, но утомительная. Во время остановок уполномоченный Плаксин исчезал из вагона и возвращался, принося сводки особых отделов дивизий Второй Конной. Делопроизводитель Фадеев составлял общую сводку. А я переписывал начисто, либо печатал на машинке одним пальцем. По общей сводке составлялся доклад для Особого отдела ВЧК фронта, для Москвы. Если по донесению надо было принимать срочные меры, делались выписки для соответствующих отделений. Выписки тоже на машинке надо было печатать. С утра до глубокой ночи сидел я за столиком. Утомлялся невероятно. Бывало, откинешься от машинки на спинку стула, таким разбитым чувствуешь себя, будто весь день дрова грузил.

Трое суток поезд наш простоял на станции Александрия Херсонская. Плаксин, Фадеев, сам Борисов относились ко мне сдержанно. Все больше расспрашивали о моей прошлой жизни. Из разговоров моих новых товарищей, из сводок я узнал, что произошло в ту ночь, когда екатеринославцев разбудили выстрелы.

К югу от города фронт прорвала донская конница белых. Они захватили Александровск. В районе Александровска хотели форсировать Днепр и ударить с юга на Екатеринослав, который на правом берегу. В то же время они совершили маневр: посадили свою дроздовскую пехотную дивизию на телеги, неожиданным налетом захватили станцию Синельниково, которая восточнее Екатеринослава. Из Синельникова белые могли прорваться к мосту через Днепр. И таким образом отрезать город от Москвы. Но у Синельникова белых выбили через сутки. Операция их сорвалась.

Через трое суток мы вернулись в Екатеринослав. Я подал

рапорт об увольнении. Борисов написал на рапорте: «Согласен». Еще нужна была резолюция Турло. Адъютантом у него служил грузин Киквидзе. Я прохаживался в коридоре, ожидая решения Турло.

Киквидзе вынес мой рапорт, улыбаясь, показал резолюцию начальника: «Подшить к личному делу». Я даже оторопел — не отпускают. Киквидзе улыбался.

— Хочешь личный разговор иметь? Проходи в кабинет, — весело пригласил он.

Разговор с Турло был кратким. Я сказал, что поступил в Особый отдел на время, о чем Борисов знает. Что учиться был откомандирован из армии и, если не вернусь в институт, меня могут посчитать дезертиром, саботажником.

Турло выслушал меня, глядя в бумаги. Затем встал.

— Товарищ Буданцев, — строгим голосом сказал он, — я вас очень хорошо понимаю. Но с учебой успеете. Вы еще молоды. В Особом отделе мало грамотных членов партии. У нас вы больше принесете пользы революции, чем в институте. Саботажником вас не сочтут, мы сообщим куда следует. Идите и работайте. Все.

Я круто повернулся. И Борисов слушать даже не стал меня, когда я начал передавать ему разговор с Турло.

— Потом расскажешь, — перебил он меня, — а сейчас иди к начальнику отделения Потапову. Он видел тебя, считает, что ты сгодишься к одной какой-то операции. Сразу к нему иди. Он звонил только что. И поддержи честь нашего отделения. — Он подал мне руку.

И я понял, что судьба моя решена.

Начальник отделения Потапов был из рабочих, член партии с дореволюционным стажем.

— Так, — произнес он, когда я представился. — Вот и студент у нас появился. Выправочка подходящая. И красив парень. Садись… Какой же рост у тебя?

— Сто восемьдесят два.

— Ты офицером где служил?

Думаю, анкеты он мои читал, всю подноготную уже знал, но хотел лишний раз проверить. Я ответил, что офицером царской армии не служил, что после окончания школы прапорщиков уехал к родителям в Тамбов, где в феврале восемнадцатого года вступил в ряды Красной Армии.

Он кивал.

— Еще такой вопрос, Буданцев: есть ли у тебя офицерское обмундирование?

— Откуда же! — сказал я. — Есть старая студенческая

тужурка и фуражка. Больше ничего у меня нет.

— Ясно. Слушай, а целовать дамочкам руки, как говорится, шаркать ножкой, выделывать разные интеллигентские фигли-мигли ты не разучился?

Я рассмеялся.

— Думаю, что нет, — сказал я, — не разучился. Такое не забывается. Все зависит от обстановки. От обстоятельств.

— Кто в Екатеринославе тебя знает?

— Хозяева квартиры и только как студента института.

— Ты уже был у них?

— Нет.

— Они знают, с кем ты уехал из города?

— Нет. Они не могут знать этого.

— Добро. — Он выдвинул ящик стола, вынул две толстые тетрадки в коленкоровом переплете коричневого цвета. — Держи. Это дневник. Все, что написано в нем, выучи назубок. Как учил «отче наш» в детстве. Выбери одного из друзей хозяина дневника, попробуй влезть в его шкуру, понимаешь? Чтоб смог изобразить этого самого друга. Срок — два дня. Отправляйся на свою квартиру. Ты для этих Петровых, для всех — опять студент. Где был это время, придумай сам. Пропуск, удостоверение сдай в комендатуру и пока что к нам ни ногой. Через два дня в десять вечера встречаемся вот по этому адресу. — Он показал мне адрес на листке бумаги. — Запомнишь?

— Запомнил. Но для чего нужно все это?

— Потом узнаешь. Исполняй задание.

Я поспешил к моим милым старикам Петровым, сочиняя версию, где я был. Старики копошились в саду. Оба вскрикнули, увидев меня.

— Голубчик, сыночек ты наш, — причитала Мария Григорьевна, — целехонек? Вернулся! Где же ты пропадал? А мы думаем, а мы гадаем! — У нее даже слезы на глаза навернулись.

Николай Иванович достал из погреба долго хранимую бутылку с наливкой. И вскоре мы сидели на веранде за столом. Пыхтел самовар, я врал, как пробирался по мосту на ту сторону Днепра, про железнодорожника, приютившего меня в своем доме. Едва начало смеркаться, я сказал, что очень устал, глаза слипаются. — Мне было неловко перед стариками.

— Иди, иди, Иван Иванович, иди, Ванюша, поспи, постелька ждет тебя…

Тетради оказались дневником поручика Бориса Сергеевича Гавронского. С армией Деникина он отступал до Новороссийска, там сдался в плен нашим. В дневнике Гавронский подробно и

откровенно описывал свою жизнь со дня выпуска из военного училища. Как играли в карты, кто мошенничал, сплетни о знакомых и друзьях, о женщинах, с которыми встречался. Очень метко давал всем характеристики.

Он служил в шестом полку Дроздовской дивизии.

С восторгом описывал поручик подвиги своего полка и всей дивизии. Во время отступления Гавронский тоже вел свой дневник, занося даты боев, названия городов, деревень.

Память у меня была прекрасная. За два дня я проштудировал обе тетради. С утра для порядка уходил в институт. По дороге экзаменовал себя. Бродил в саду, сидел в беседке с учебником физики или математики. Хозяева мои думали, что я занимаюсь по программе, и старались меня не беспокоить.

В назначенное время я явился на квартиру, указанную Потаповым. Он сидел за столом, разговаривал по телефону и приветствовал меня кивком. Я огляделся: в комнате ничего лишнего — стол, кровать. На подоконниках цветы в горшках. Дверь вела на кухню и к запасному выходу. Я посмотрел в окно.

— Отойди от окна. — Потапов положил трубку. — Ох студент, студент! — Он задернул на окнах занавески. — Садись и отвечай на вопросы.

Он «гонял» меня чуть ли не по всем страницам толстых тетрадей. По его лицу я не мог понять, доволен он или нет, тем более что некоторые даты событий я не помнил. Наконец Потапов прекратил экзаменовать, помолчал и решительно ударил ладонью по столу.

— Все, молодец, — сказал он. — Добро. Голова у тебя хорошая, студент. Добрая голова. Пошли на кухню, закусим, чайку попьем.

Мы ели колбасу с белым хлебом, запивали чаем. И вот что я узнал. За три дня до выезда Особого отдела из Екатеринослава ночью часовой у моста через Днепр застрелил неизвестного гражданина. В большом рюкзаке убитого обнаружили тол, взрыватели и бикфордов шнур.

Часовой показал, что неизвестный на окрик: «Стой, кто идет?» ответил: «Федя, это я, от капитана Андриевского» и продолжал приближаться к часовому. Часовой еще раз крикнул «Стой!» и дал предупредительный выстрел. Неизвестный бросился бежать прочь. Часовой выстрелил в него и убил. Пуля попала в затылок, и лицо неизвестного опознать не удалось.

Гавронский, дневник которого я изучил, служил после того, как добровольно сдался красным, в горвоенкомате командиром кавалерийского эскадрона. Когда белые рвались к городу, по

приказу военкома Гавронский должен был находиться в казарме со своим эскадроном. Но он исчез из казармы, найден был у себя дома и арестован за нарушение приказа и по подозрению, что хотел остаться до прихода белых.

— Забрали у него вот эти самые дневники, понимаешь, студент. А в них много всяких типов упоминается. С кем Гавронский кутил, играл в карты в Харькове? Кто арестован неожиданно во время пьянки некого прапорщика Гулева?

— Капитан Андриевский, — вспомнил я.

— Дак вот, голуба, студент мой башковитый, этот капитан Андриевский служил в контрразведке. Опасный враг. Очевидно, Андриевскому было дано задание взорвать мост, отрезать город от Москвы. А дневник нам что говорит?

— Только то, что Гавронский очень хорошо знал Андриевского.

— Не совсем так, студент: они были друзьями! Но вернемся к убийству на мосту. Неизвестный, как ты помнишь, назвал часового Федей. На самом деле часового не Федором звали, а Николаем. Стали выяснять. И что же оказалось? Красноармеец, назначенный на ночь охранять мост, накануне во время гимнастики упал с турника, сломал руку и разбил голову. Его без сознания увезли в госпиталь. Его-то и звали Федором, студент! Федор Матвеев. Копнули мы глубже. Оказалось, Федор Матвеев был денщиком поручика Гавронского, вместе с ним сдался нашим в плен, вместе с Гавронским служил в его кавэскадроне при губвоенкомате. А недели за две до случая на мосту Гавронский подал рапорт, мол, рядовой Матвеев боится лошадей, не умеет с ними обращаться. И Федора Матвеева перевели в комендантскую роту, которая и охраняла мост. Вот как! Что скажешь, студент?

Я молчал, соображая. Потапов закурил.

— Матвеева Федора допросить не удалось. Когда мы приехали в госпиталь, нам сообщили, что утром Матвеева обнаружили на койке мертвым. Врач предположил, что умер он от большой дозы морфия. Ввела же морфий дежурная сестра, а она, сестра-то, исчезла из госпиталя, не сдав своего дежурства. По документам в личном деле, она — казачка станицы Кореновской Дубровина Анна Тимофеевна. Пошли по ее городскому адресу, а там она никогда не проживала, и никто никакой сестры милосердия и не видел, и не знает. Тогда взялись мы за Гавронского, у которого прежде служил Федор Матвеев. Этого Федора Матвеева Гавронский, по его словам, отправил вон от себя потому, что тот начал пьянствовать. Проверили: да, Матвеев начал пить. Андриевского же Гавронский давно не встречал, в Екатеринославе не видел его. И даже понятия не имеет, где

находится Андриевский. И веревочка оборвалась, студент. Но едем далее. В городе живет мать Гавронского. О ком он еще из близких пишет в дневнике?

— О своей невесте, какой-то Лидии.

— Вот. Где она, мы не знаем. Может, и здесь, в городе живет. Черт ее знает! Лидия, Лидия! Тут тысячи Лидий. — Он помолчал. — Твоя задача для начала: познакомиться с матерью Гавронского. А через нее — и с невестой Лидией; во всяком случае узнаешь, где живет Лидия. Уяснил? У них попытайся пронюхать об Андриевском. Ясно?

— Ясно.

— Какого ты дружка Гавронского выбрал для себя из дневника? — спросил Потапов.

Я подумал. Мне казалось, что дружок в данном случае и не нужен. Гавронский в тюрьме. Никто здесь меня не знает. Я представлюсь матери Гавронского студентом Буданцевым. А в прошлом будто бы я служил вместе с ее сыном в Дроздовской дивизии. Я сказал об этом Потапову.

— Что же, валяй так, — согласился он.

И еще мы решили: в зависимости от того, как поведет себя Гавронская, возможно, я намекну, что живу в городе по чужим документам. Или даже скажу, мол, прибыл из Крыма со специальным заданием к капитану Андриевскому, адрес которого мне должен сообщить ее сын. Адрес свой Андриевский должен был дать Борису. Так было условлено, когда Андриевский уходил в тыл красных. Об аресте Гавронского я, конечно, не знаю.

Тянуть время было нельзя. Обстановка на фронте, в стране, складывалась очень серьезная. Годы войны истощили молодую республику. Белополяки мир не заключали, затягивали переговоры. Почему? Выжидают чего-то, думал я. Уже пошли слухи, что в Поволжье начинается голод. Когда я приехал в Екатеринослав, на базаре лотки ломились от фруктов, овощей, разной живности. Муку продавали пудами. Вдруг все исчезло, цены подскочили невероятно, что говорило о серьезном положении. И действительно, вскоре стало известно, что решением Реввоенсовета Республики был создан Южный фронт для борьбы с Врангелем.

Из квартиры я ушел раньше Потапова. Мечты о мирной жизни, об учебе вылетели из моей головы. Я шагал в потемках по улице, и состояние, похожее на предбоевое, овладевало мной. Где-то в стороне базара раздались револьверные выстрелы. И опять тихо. Ворье, бандитов ловят. За железной дорогой поднялась стрельба и разом прекратилась.

Южный фронт держится хорошо, размышлял я, Фрунзе — превосходный стратег и тактик, но завтра, послезавтра, через три дня в одну и ту же ночь в нашем тылу могут взорвать все мосты через Днепр, обе железные дороги, ведущие на север и восток. Белополяки ударят с запада, Врангель повернет все силы им навстречу. Что тогда будет?.. А где-то здесь, возможно, вон в том доме, сидит сейчас при завешенных окнах капитан Андриевский, опытный, хитрый и дерзкий. Ждет своих лазутчиков или уже беседует с ними. «Маленький капитан в пенсне» — так Гавронский называл в дневнике Андриевского. А прозвала его так мать Гавронского, когда в девятнадцатом году, в феврале месяце, Андриевский прожил у них в доме несколько дней.

Всю ночь я не спал. Задание показалось вдруг мне таким важным, что пугался: а справлюсь ли? Гавронский, денщик его Федька… Оба сдались нашим, перешли к нам… При наступлении белых Гавронский скрылся из казармы. Исчез. Значит, уверен был, что белые ворвутся в город? И получил на этот случай задание? А если завтра у Гавронской застану самого Андриевского? А что за птица сама Гавронская?

Я ходил по комнате, по веранде в одних носках, ложился на кровать. Опять ходил и ложился, но уснул только на рассвете. Лучи солнца разбудили меня. Шел десятый час. К Гавронской я должен был пойти ровно в семь вечера.

У Петровых за домом была устроена душевая: бак на четырех столбах, обшитых досками. Холодный душ взбодрил меня. После завтрака начистил сапоги, отгладил свою офицерскую гимнастерку. Мария Григорьевна, проходя мимо, лукаво поглядывала на меня.

— Иван Иванович собирается сегодня на свидание, — наконец произнесла она, остановившись.

— Вы угадали, Мария Григорьевна, — отвечал я. — Вчера познакомился в столовой с одной студенткой. Вы сегодня к ужину меня не ждите. Видимо, я приду поздно.

Она покачала головой.

— Как просто теперь у вас стало: вчера познакомился, а сегодня уже поздно придет! — Она вздохнула. — Из какой же семьи она, Ваня?

— Еще не знаю, Мария Григорьевна.

— Ох, ох! Да местная она или приезжая?

— Приезжая. Из Харькова.

— Как просто стало, как просто! — повторяла моя добрая хозяйка, удаляясь в комнаты.

Днем я побывал в институте, пообедал в столовой. Ровно в семь я подходил к большому, оштукатуренному деревянному

дому Гавронских. Перед домом палисадник. От калитки к крыльцу широкая дорожка, посыпанная желтым песком. По обе стороны дорожки густые кусты роз. Две скамейки с резными спинками стояли на крыльце. Окна были завешаны белыми гардинами. Следов на дорожке никаких не было. Неужели за весь день никто не выходил из дому? В крайнем окне, показалось мне, когда я взошел на крыльцо, дрогнула гардина. Я дернул за ручку звонка. Тихо. Гардины не шевелились. Но и через них могли видеть меня.

Я позвонил еще. Наконец послышались шаги.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Скажите, пожалуйста, здесь ли проживает Борис Сергеевич Гавронский?

Дверь приоткрылась на длину цепочки. Я увидел лицо пожилой женщины со следами былой красоты. Волосы с проседью, в больших серых глазах — настороженность.

— Мне нужно видеть Бориса по очень важному делу, — сказал я. — Мы служили с ним вместе.

Цепочка упала. Передо мной стояла полная, но еще стройная женщина в длинном темном платье с глухим воротником. На груди висел крохотный медальон на тонкой золотой цепочке.

— Иван Иванович Буданцев, — представился я. — Мы с Борисом Сергеевичем кончали военное училище и служили в одном полку. А вы…

— Я мать его, — перебила она. — Заходите. Очень рада. Зовут меня Ирина Владимировна.

В конце веранды была дверь в дом, и я увидел лестницу и лаз на чердак.

В прихожей я положил фуражку на полку вешалки. В доме пахло дынями и вроде бы еще укропом.

— Извините за беспорядок, — говорила Гавронская, проводя меня в гостиную, — я немножко нездорова.

Беспорядка я не заметил. Большой стол был застелен белой скатертью, стояли астры в хрустальной вазе. Мягкие кресла, диван, на стене большие часы и портрет красивого юноши в сюртуке, очевидно, Бориса Гавронского.

— Садитесь, — указала она на кресло, сама опустилась на диван.

Я поблагодарил и сел, глядя на хозяйку и прислушиваясь. Казалось, здесь только что кто-то был. Обе двери в другие комнаты плотно закрыты.

Настороженность исчезла с лица Гавронской, но доверия ко мне я еще не улавливал.

— К сожалению, Бори нет дома, — заговорила она. — С ним

несчастье. Он арестован. За что, я не знаю. Арестовали здесь, в доме, когда Врангель наступал. Я болела, он прибежал сообщить, что покидает город со своим военкоматом, что ли. Не знаю… Он служил у них там… Он задержался из-за меня… Когда он сказал, что покидает меня, я упала в обморок, он и задержался… А за ним пришли из чека и увели… больше я не видела его, — глаза ее наполнились слезами, она замолчала.

Я лихорадочно думал, как продолжить разговор.

— Не знаю, не знаю, где он, что с ним, — шептала она будто бы сама себе.

— Ирина Владимировна… — Я встал, подошел к ней. Взял руку ее и поцеловал. — Извините меня. Я сейчас оставлю вас. Я попозже зайду. Или завтра. Когда вам будет удобней?

— Нет, нет, не уходите, — быстро заговорила она, доставая платок. — Я сейчас успокоюсь. Я уже спокойна. — Она попыталась улыбнуться. — Я рада, что вы пришли. Я теперь одинока. Знакомые оставили меня. Садитесь, прошу вас. Простите. Как…

— Иван Иванович Буданцев.

— Я уже спокойна, Иван Иванович.

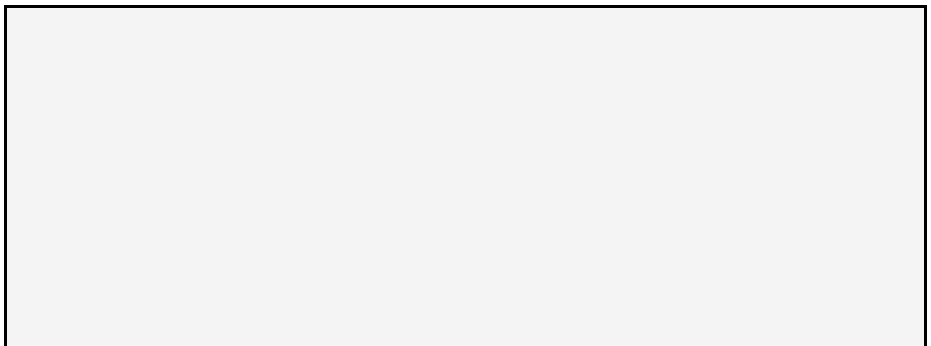
— И где Борис сейчас? — спросил я.

— Перевели в тюрьму. Сначала в комендатуре сидел, потом в тюрьму перевели.

— И в чем же его обвиняют?

— Не знаю. Ничего не знаю. Я ходила в чека, сказали, разберутся и выпустят. Но оттуда, вы знаете, Иван Иванович, никого не выпускают!.. Спрашивали у меня, кто у нас из посторонних бывает в доме. Но к нам давно никто не приходил! Только Варварушка приходит, пожилая женщина, она воду носит мне, полы моет…

В голосе ее была такая искренность, что мне делалось неловко. Даже стыдно за самого себя, что надуваю несчастную мать. Но она говорила, а глаз с меня не спускала! Даже поднося платок к лицу, следила за мной. Или так кажется мне, думал я.



Вдруг она поспешно встала.

— Сидите, сидите, — проговорила она, — я забыла обязанности хозяйки дома. Сейчас будем пить чай. Прислуги давно нет, я сама управляюсь.

— Помочь вам? — Мне хотелось пройти на кухню, узнать, есть ли оттуда второй выход.

— Нет, нет. Сидите, сидите. Я сейчас. — Она вышла.

Я потрогал двери в другие комнаты. Одна была заперта. Вторая вела в спальню хозяйки. Услышав шаги, я сел в кресло.

За чаем я узнал, что мужа ее, полковника царской армии в отставке убили при налете махновской банды. Махновцев она называла не бандитами, а — красными. Я не поправлял ее.

— Ночью мужа вызвали во двор, застрелили. Ворвались сюда. Шкатулка с драгоценностями стояла в спальне под тумбочкой. Сразу нашли ее и убежали… И до возвращения сына я одна жила. Когда Боря вернулся, худой, слабый, денщик его под руки привел, Федором, кажется, звали, то от новой власти не прятался. Сам сходил к начальству, его записали. А потом ему предложили быть командиром эскадрона при военкомате. Он сразу согласился. Он не напрашивался, ему предложили, и он сразу согласился…

— Ирина Владимировна, а не могли его арестовать по подозрению в попытке снова уйти к белым? — спросил я, соображая, как мне навести разговор на Андриевского — на «маленького капитана в пенсне».

— Но у Бори не могло быть таких мыслей. Он бы не оставил меня на расправу красным.

Она была уверена, что красные непременно расстреляли бы ее. Но почему тогда Гавронский исчез из казармы, никого не предупредив?

— Да, все получилось как-то нелепо, — говорил я. — А скажите, Ирина Владимировна, вы не знаете ли, где сейчас и что поделывает «наш маленький капитан в пенсне»? — Я засмеялся. — Боря говорил, вы так его прозвали.

— Не знаю, где Андриевский, Иван Иванович, — вздохнула она. — Приятный был человек. Интеллигентный. Такой разговорчивый. Помню, Боря, когда вернулся домой, говорил, что маленький капитан уехал в Крым, но этой весной неожиданно встретил его на вокзале. Андриевский ждал поезда на Харьков. Кажется, так. Андриевский обещал на обратном пути заехать к нам, рассказать о своих делах. Передал привет Борису от его невесты Лидии. Говорил, что и она скоро приедет в Екатеринослав. Но ни Лидия, ни Андриевский так и не появились. Боря беспокоился за Лидию.

— А где Лидия сейчас?

— Не знаю, Иван Иванович! Я ведь даже не видела ее ни разу. Знаю, что Боря познакомился с ней в станице Кореновской, где стоял их полк. Отец ее погиб, он был начальником Кадетского корпуса, а дядя работал врачом в Кореновской. Мать Лидии умерла от тифа, она и жила у дяди. Хоть бы она приехала, господи!

Я силился вспомнить, что написано в дневнике Гавронского о невесте, но как раз это вылетело из головы. Забылось.

— А вы где видели Андриевского в последний раз? — вдруг спросила Гавронская.

Тут уж я, кажется, вздрогнул. Такого вопроса я не ждал. В прихожей послышался шорох, что-то стукнуло. Гавронская побледнела, прислушалась.

— Вот и Варварушка пришла, — проговорила она с облегчением. — Варварушка, ты там? — крикнула она.

— Я, я, Ирина Владимировна, — откликнулся тонкий голосок. — Водицы принесла.

— Боже мой, боже мой, когда кончится такая жизнь, — говорила Гавронская, — всего боишься! Так где вы видели маленького капитана?

Я решил сыграть ва-банк. Довольно болтовни. Хватит.

— В Крыму, Ирина Владимировна. В штабе контрразведки Врангеля. Он должен был через Мелитополь пробраться сюда, в Екатеринослав.

Неподдельное изумление выразилось на лице Гавронской. Она поставила чашку.

— Так вы оттуда? — прошептала она.

— Да. Мне надо встретиться с Борисом и Андриевским.

— Разве Андриевский в городе? — Опять неподдельное изумление. — Но он не заходил к нам!

— Очевидно, ему нельзя было встречаться с Борисом. Но Борис знает, как его найти, понимаете? — Я уже говорил официальным тоном. — Цель моего визита к вам — узнать у вашего сына адрес Андриевского.

Я жалел, что не взял у Потапова револьвер, я ждал, что сейчас запертые двери распахнутся, выйдет сам Андриевский. Но было тихо. Варварушка в прихожей брякнула ведрами, входная дверь скрипнула. И опять ни звука. Гавронская вся обмякла, руки упали на колени. Ухоженное лицо разом осунулось, покрылось морщинами.

— Вот за что, вот за что арестовали! — произнесла она. — Слушайте, но Боря ни в чем не виноват перед ними. — Она цепко схватила мою руку. — Он ничего не делал! Как спасти его? Как?

— Успокойтесь, Ирина Владимировна, успокойтесь. Прежде всего надо найти Андриевского, понимаете? Надо узнать, что с ним. На свободе он или нет? Если он не арестован, то Борису ничто не грозит, понимаете? — Она пришла в себя, внимательно слушала. — Если Андриевский на свободе, арест Бориса с ним не связан и Бориса вскоре отпустят.

— Вы думаете?

— Конечно.

— Но я не знаю адреса капитана, не знаю! — Опять потекли слезы.

Я готов был верить им.

— Вот что, Ирина Владимировна, — сказал я. — Вы завтра же идите в чека, просите свидания с сыном.

— Я просила уже, не дают! — простонала она.

— Просите еще и еще. Вы мать. Найдите самого главного начальника. У него просите. Не бойтесь их, вам они ничего не сделают. — Я взглянул на часы. — А мне уже пора. — Я взял ее вялую руку и поцеловал. — Если обо мне кто будет спрашивать, может найти меня в Горном институте. Я числюсь там студентом. До свиданья. На днях я наведаюсь к вам. Успокойтесь, все будет хорошо.

На улице я с облегчением вздохнул. Пот прошиб меня. Сердце колотилось. Уже смеркалось, когда вернулся домой. Хозяева спали. Опять я не мог долго уснуть, а потом во сне почудилось, будто мост через Днепр взорвали. Все бегут к мосту, я тоже бегу. Потапов догоняет меня. Грозит наганом, ругается и кричит. Взорванный мост окутан дымом. Вдруг все уставились на меня. Раздались крики: «Он, он виноват!» Я попятился от кричавших и вдруг увидел среди них маленького человечка, ростом с подростка. На плечах его блестели погоны, он был в пенсне и корчился от хохота. Я бросился к нему и… проснулся с криком.

Утром я схватил вторую тетрадь дневника, нашел место, где Гавронский упоминал о своей невесте Лидии.

> «Вчера познакомился на балу, который давал атаман станицы Кореновской в честь нашего командира полка, с прелестной девушкой Лидой. Она окончила Новочеркасскую гимназию. Отец ее — начальник Новочеркасского кадетского корпуса. Здесь она гостит у своего дяди — врача местной больницы».

И в самом конце дневника:

> «По дороге из Новороссийска в Екатеринослав заехал в Кореновскую. Был у Лиды. Она убита горем. В боях за Екатеринодар погиб ее отец, а перед тем умерла от тифа ее мать. Три дня мы провели вместе. Девушка прелесть. Сделал предложение. Она согласна быть моей женой. Но после окончания траура по отцу. Как я счастлив!»

Больше о Лидии ничего не было в дневнике. Где она? Как ее фамилия? Через нее можно бы что-нибудь узнать.

Я сходил в институт. Потолкался среди знакомых студентов, погулял в городе. Маленького роста люди в пенсне и даже в обычных очках беспокоили мое внимание. Когда вернулся домой, на веранде встретила меня Мария Григорьевна. Она улыбалась.

— А я повидала вашу даму сердца, — сказала она. — Красивая девушка. Только вы, Ваня, ушли в институт, она и появилась во дворе. Высокая, чернобровая. Я сразу догадалась, кто это. «Скажите, здесь живет Буданцев, студент Горного института?» — спросила она. Я ответила, что здесь, но дома вас нет. «Спасибо, — сказала она, — я найду его там». И быстро ушла. Вежливая. Я сразу поняла, она из хорошей семьи. Вы можете пригласить ее на чай, Ваня. Я все приготовлю.

Я был в недоумении. Но улыбнулся.

— Она в кожаной курточке была?

— Нет, в светлом плаще. В широком таком. Очень приятная девушка. Пригласите ее, Ваня, не стесняйтесь…

— Спасибо…

Кто же приходил? Связная от Потапова? Значит, что-то случилось? Я пометался по комнате. В чека идти было мне нельзя. Время до встречи с Потаповым тянулось страшно долго. Я бродил по улицам, казалось, кто-то следит за мной. Я сокрушался, что не удосужился взглянуть на Варварушку Гавронской. Собственно, ничего я не выведал у Гавронской. Кажется, еще больше запутал дело… Надо Потапову сказать, чтоб сделал запрос в Новочеркасск, узнали фамилию бывшего начальника Кадетского корпуса. Тогда найдем Лидию.

— Добро. Силен студент, ваше благородие! — заговорил Потапов, едва я выложил ему новости. — Я как-то упустил из виду отца этой невесты Лидии. Не знаю, выйдет ли из тебя инженер, а вот чекист вроде уже вырисовывается. Запросим Новочеркасск. Но то, что тебя провожали до самого дома три человека, ты прохлопал. Для чекиста факт позорный. Да ты успокойся, успокойся. За домом Гавронской мы давно наблюдаем. А когда послали тебя, я усилил наблюдение. Говоришь, Гавронская понятия не имеет о деятельности сынка и Андриевского? А что тебе скажет такой факт: едва ты свернул за угол, Гавронская вышла из калитки. В темной накидке с капюшоном последовала за тобой. Да как резво! По другой стороне улицы семенила: ты свернул к Петровым, она тут же вернулась домой.

— Ну и ну, — произнес я.

— А сегодня днем, ровно в одиннадцать часов, Гавронская отправилась к соседям справа. От них вышла с какой-то девицей — красавицей. Они проследовали к дому Петровых. Гавронская прогуливалась по улице, а девица вошла во двор. Но девица — незнакомка — пустое место. Один из наших сотрудников очень хорошо ее знает. По просьбе Гавронской она узнала, живешь ли ты у Петровых или нет, каково? А Варварушка — тоже пустое место, она с придурью. С молодых лет прирабатывает по дому у богатеньких. То, что рискнул ты назваться агентом Врангеля, думаю, правильно сделал. Теперь и за домом Петровых понаблюдаем. Ты где держишь тетради Гавронского?

— На тумбочке. Между тетрадями с лекциями сына Петровых.

— Правильно. В матрац, в подушку никогда ничего не суй. С них начинают шарить. Гавронская спрашивала, где ты живешь?

— Нет. Я сказал, что числюсь студентом института. И все.

— Добро. — Он достал из кармана часы. — Расходимся. На сегодня все. До получения ответа из Новочеркасска к Гавронской не ходи.

Два дня прошли спокойно. Я посещал институт, вернее, столовую институтскую. Дома читал учебники, лекции сына хозяев. Сам удивлялся, что не позабыл физику, математику.

На третий день в столовой ко мне подсел незнакомый молодой человек и, подавая мне горчицу, произнес тихо:

— Сегодня в семь ждет Потапов…

— Читай, герой, и задирай нос выше, — встретил меня Потапов, протягивая лист бумаги. То была расшифрованная телеграмма из Краснодарского отдела ВЧК.

> «На ваш запрос, — прочел я, — начальник Кадетского корпуса Золотарев Виктор Михайлович, полковник деникинской армии убит станице Пашковской марта 1920 года. Дочь Лидия и брат Золотарева врач станице Кореновской Алексей Золотарев выбыли станицы неизвестном направлении конце июня 1920 года Начкубчерчека…»

Я был доволен. Потапов тоже.

— Читай вот еще. — Он подал мне справку местного адресного стола.

> «Золотарев Алексей Михайлович 1885 года рождения и его жена Екатерина Ивановна Золотарева

1880 года рождения проживают по адресу: улица Гоголя, дом № 24, квартира № 3. Золотарева Лидия Викторовна в Екатеринославе не проживает и не проживала».

— Теперь слушай, студент: вчера Гавронская была у нас. Просила свидания с сыном. Мы поломались для видимости и разрешили. Гавронский спрашивал у нее, не приходила ли к ней Лидия. Мать сказала, что нет. «И письма не было?» — «Не было, — ответила она и спросила шепотом: — Боренька, скажи, а где рецепт на пенсне? Я нигде не могу найти, а заказать пенсне надо».

Сын некоторое время молча смотрел на мать. «На письменном столе, — сказал он. — В книге Гоголя. В третьем томе на двадцать четвертой странице».

Я спросил Потапова, сообщила ли Гавронская сыну о моем визите.

— О тебе она ни слова не сказала. Надо думать, он сам понял: кто-то прибыл, соображаешь? Ловко работают, сволочи. Пенсне, Гоголь, третий том! Ну, ну, студент, ваше благородие, верти мозгами! А адрес Золотарева — улица Гоголя, дом двадцать четыре, квартира три, понимаешь? Завтра же отправляйся к Гавронской. Надо думать, она ждет тебя… На всякий случай. — Он подал мне браунинг. — Как носить и стрелять, я думаю, ты знаешь! Завтра в десять вечера будь здесь. Сюда иди не из дому, а погуляй прежде в городе.

Дома ждало меня письмо от Гавронской. Она приглашала навестить ее. В любое время.

Как и в первый раз, ровно в семь часов вечера, я дернул за шнурок колокольчика. Дверь почти сразу же открылась, будто Гавронская ждала меня в коридоре.

— Здравствуйте, Иван Иванович, — поздоровалась она первой, улыбнулась и подала руку. Я поцеловал ее. — Когда получили письмо?

— Вчера под вечер, Ирина Владимировна.

— Проходите, проходите. Как раз чай готов. У меня новости есть.

Сгорбленная Варварушка в черном платке шмыгнула мимо меня в кухню. В гостиной на столе шумел самовар, стояли вазочка с вареньем, две хрустальные вазы с домашним печеньем и пирожками, бутылка рома. Мы сели.

— Вам, конечно, чай покрепче, — говорила она, — я уж знаю. Фронтовики пьют крепкий. — Она подала мне чашку на блюдечке. — А вот ром. Ямайский. Его тоже фронтовики уважают.

Хотите с чаем, хотите без чая. Фронтовики любят пить ром без чая. Я знаю. О, я теперь много кое-чего знаю. Насмотрелась. Может, еще покрепче?

— Спасибо. Отличный чай. Давно такого не пил.

— Прежде всего я должна извиниться перед вами, — говорила Гавронская. — Прошлый раз я не спросила, где вы живете. Спохватилась, когда вы ушли. Быстро оделась и за вами. А на улице, знаете, прямо осенило меня: мне нельзя к вам подходить: сын мой арестован и на вас может пасть подозрение. И я на расстоянии шла за вами до самого дома Петровых. Так неловко мне было! Вы свернули в их двор, но ни в одном окне свет не загорелся. А двор-то у них проходной. Я и растерялась: в дом вы вошли или дальше на Александровскую улицу? Петровы знают меня, их сын учился в гимназии с моим Борей. Сама я не могла зайти к ним, спросить, у них ли вы живете. Сразу бы начались разговоры! Я и послала нашу соседку уточнить. Милая такая девочка. Так я и узнала ваш адрес.

— Извиняться не надо, Ирина Владимировна. Я сам виноват. Конечно же, мне надо было адрес вам оставить. А я решил, что вы в институте узнали.

— Нет, в институт я бы не пошла, что вы!.. Но слушайте: я повидала Бориса! — Я как мог изобразил на лице нечто вроде удивления. — По вашему совету я написала заявление с просьбой о свидании и отправилась. Там у них часовой с ружьем и дежурный… Слушайте. Отнес дежурный куда-то заявление, я ждала. Можете представить, этот дежурный предложил мне сесть! Вернулся он, провел в кабинет к какому-то их начальнику. Паспорт мой вертел, вертел; смотрел, смотрел. Потом говорит: «После ареста вашего сына вы куда ездили из Екатеринослава?» — «Господи, — говорю, — никуда я не ездила! Куда же я поеду, зачем?» — «А двадцать пятого сентября вы где были?» — спрашивает. «Дома была. Дома». — «А вас кто-нибудь навещал?» Вы знаете, Иван Иванович, у меня сердце и остановилось. Никто не навещал, ответила я. А сама думаю: ведь вас могли видеть соседи! Могли донести. «Никто, никто?» — опять допытывается. И я, Иван Иванович, извините, решилась. Думаю, ведь вы студентом числитесь, открыто ходите по городу. Если им донесли, что вы приходили ко мне, нельзя скрывать. Иначе подозрение у них возникнет.

— Вы правильно поступили, Ирина Владимировна, — твердым голосом сказал я.

— Да, — говорю, — один студент Горного института недавно приходил. Хотел повидать Бориса, сказал, что в гимназии вместе с ним учился.

Тут он вскочил, Иван Иванович, провел к другому начальнику. А тот и начал допытываться: какой вы из себя, в чем одеты, какие волосы? Фотографии показывал, мол, нет ли на них вас. Вас там не было, Иван Иванович… Часа два так допрашивали меня. А потом выписали пропуск на свидание.

— И хорошо сделали, Ирина Владимировна, вы просто молодец. Если им еще и не донесли обо мне, то донесут. Если и сюда придут, сразу говорите: да, приходил студент, но фамилию свою он не называл. Назвался Иваном Ивановичем и все.

— Ох, вы сняли с меня камень…

— Но как Борис?

— Живой, здоровый, только бледный, чуть исхудал. Но синяков на нем нет. Сказал, что не били его, не мучили. Знаете, я принесла ему пирожков, вареную курицу. При мне все это осмотрели, тут же отдали ему. — Она вздохнула. — Он в основном спрашивал: как мое здоровье, как я питаюсь, носит ли Варварушка воду, ходит ли за продуктами? Все интересовало его! Потом спросил, не приходила ли Лида? Я только отрицательно покачала головой. А потом… Вы удивитесь моей находчивости. Куда ты, говорю тихо, положил рецепт на пенсне? Мне надо заказать, а то я читать не могу. Он с недоумением уставился на меня. Потом и говорит: «Поищи рецепт в книге Гоголя на двадцать четвертой странице третьего тома. Но лучше не заказывай пенсне до моего возвращения. Я надеюсь, скоро освободят меня. Я ни в чем не виновен. Вернусь, сам закажу, а то тебя могут обмануть…».

Прибежала я домой, нашла третий дом. Вон он лежит на подоконнике. Перелистала весь, ничего не нашла! И я ждала вас, Иван Иванович. Я ничего не понимаю. Я все тома Гоголя перелистала, все ящики и бумаги его перерыла, нигде об Андриевском ничего нет. Может, вы что-то знаете об этом? — Лицо ее, голос выражали растерянность, изумление, непонимание. — Ах, забыла сказать: есть еще третий том, лежал в Борином столе, он принес с работы. Помню, сказал, что кто-то оставил книгу в казарме. Но в нем я тоже ничего не нашла.

— Я взгляну на книгу?

— Ради бога! Ох! — Она закрыла лицо руками. — Может, Боря сказал так, чтоб просто что-то сказать? — спросила она сама себя.

Я раскрыл книгу на двадцать четвертой странице. Быстро взглянул на Гавронскую. Она пристально смотрела на меня.

На двадцать четвертой странице говорилось о посещении Чичиковым помещика Манилова. Читая, я перевернул страницу, и только в этот момент заметил на листе светлые точки между

строчками и буквами. Я закрыл книгу.

— Действительно, здесь ничего нет. Какое-то недоразумение. А можно мне взять книгу почитать? — спросил я.

— Пожалуйста. Берите.

Я встал, она тоже и смотрела с мольбой на меня.

— Иван Иванович, — прошептала она, оглянувшись на входную дверь. — Но как же быть? Вы сами говорили, если Андриевский на свободе, то Боре ничего не грозит. Как же узнать, где капитан? Вы что-то скрываете от меня!

«Как играет!» — думал я.

— Ирина Владимировна, — строго сказал я, — скрываю что-то не я, а ваш сын. Он не доверился вам. Он же сказал, чтобы вы не заказывали пенсне, закажет он сам, когда вернется. Вот так. Но вы не очень волнуйтесь. Я через других людей попытаюсь найти Андриевского. А вы, если будут какие новости, сообщите мне. Договорились?

— Непременно, непременно!

Я откланялся.

Дома я закрылся в комнате, внимательно осмотрел исколотую страницу. Буквы были проколоты на шести строчках, но в слова не складывались. Это был шифр. С подобным шифром я уже встречался. Я выписал буквы алфавита сначала в прямом порядке, а под ним — в обратном.

На первой строчке страницы были проколоты следующие буквы: о, я, ы, ь, э, я, а. Под ними я выписал буквы верхнего порядка и получил слово *садовая.* Таким же образом я расшифровал остальное:

з, ъ, о, н, г — *шесть;*

п, я, ш, п, ъ, з, ч, м, ъ — *разрешите;*

э, ъ, п, т, м, н, г — *вернуть;*

э, я, з, м — *вашу;*

х, т, ч, ь, м — *книгу.*

Получилась фраза: «Садовая, шесть. Разрешите вернуть Вашу книгу».

За окном стояла темень. Лампа коптила, но мне было не до нее. Я упал на кровать, лежал, видя перед собой слова фразы, и повторял их… Да, то была удача!..

Итак, разложим все по полочкам. В книге зашифрован чей-то адрес. Слова «разрешите вернуть вашу книгу» — пароль. Том и страница совпадают с адресом Золотарева: третий том Гоголя, двадцать четвертая страница — улица Гоголя, дом 24, квартира 3. Значит, явившийся к Гавронскому агент сразу узнает два адреса: Садовая, 6 и Гоголя, 24 и пароль.

Но кто должен появиться и когда? Знают ли на Садовой, шесть в лицо того, кто должен прибыть? Вдруг там и сидит Андриевский, «маленький капитан в пенсне»? Или он у Золотарева? Но тот, кто появится из Крыма сегодня ночью, завтра или через три дня не встретится с Андриевским! Шифр — вот он, у меня. Мысли мои занялись Гавронской. О шифре, видимо, она понятия не имеет. Возможно, ее притянули к организации, о которой она ничего не знает. Но почему в таком случае следила за мной, особенно когда я взял книгу? Или показалось мне?

Утром я не пошел в институт. Несколько раз прогулялся быстрым шагом мимо столовой ЧК по противоположной стороне и встретил Фадеева, которого попросил передать Потапову, что срочно нужна встреча.

Я покружил по улицам минут тридцать. Потапов уже ждал меня на квартире. Он ходил туда-сюда по комнате, по его виду я понял, что он чем-то доволен.

— Здорово, Ванюша, студент, ваше благородие, — заговорил он, пожимая мою руку. — Чего ты весь в мыле? Вдовица тебя так взвинтила? Ха-ха! Ну, что стряслось? Выкладывай, потом уж я.

Лицо его посерьезнело, едва я поведал о шифре, о том, как мне удалось найти ключ к нему.

— Ну, скажи ты, ну надо же, — повторял он. — Це дило треба разжуваты. Ай студент, ай молодчага! Да тебя же наградить надо! — Он позвонил в ЧК, приказал усилить наблюдение за домом номер шесть по Садовой улице. — Как сама Гавронская? — спросил он, положив трубку.

— Думаю, об организации Андриевского она понятия не имеет. Настораживает меня только ее подозрительность. Или она дьявольски хитра, великолепная актриса, или ничего не знает о заговоре.

— Ладно. Узнаем. Однако слушай теперь меня. Мы получили вот какие сведения из Екатеринодара. Тамошние ребятки выяснили: уроженка станицы Кореновской Анна Дубровина, документы которой были у сбежавшей из госпиталя сестры милосердия, действительно служила в санчасти армии Буденного, понял? В январе месяце этого года Дубровина демобилизовалась, вернулась в свою станицу. Там прихватил ее тиф, в конце апреля она умерла. В больнице. А дядя невесты Гавронского Золотарев тогда еще заведовал больницей, ясно? Документы Дубровиной исчезли. У родных ее их нет. Какой вывод? Или невеста Гавронского Лидия стянула ее документы, или какая-то другая девица. По заданию Андриевского она, неизвестная нам, поступила в госпиталь. Она знала, что мост хотят взорвать и что с этим делом связан Федька Матвеев. Увидев его в госпитале, она

испугалась, что он, придя в сознание, расскажет все. Тогда она ввела смертельную дозу морфия и сбежала. И надо думать, неизвестная и есть невеста Гавронского Лидия. Потому что нигде ее не найти. Ясно? В Новочеркасске, в Екатеринодаре, в Кореновской — ее нету. У Золотаревых ее нет, Гавронская ее и не видела, понимаешь?.. Где-то, значит, отсиживается. В госпитале она проработала всего одну неделю. Помнит ее только одна пожилая сестра, ее напарница, и главный врач. Они показали одно: сестра Дубровина красила губы, накладывала румянец. Косынка всегда закрывала ее лоб до бровей. И сестра еще показала, что Дубровина попивала, воровала спирт и морфий. Вот, студент, все сведения о ней… Идем далее. Загадкой остается для нас личность убитого у моста. Никто его не опознал, заявлений об исчезновении родственника, знакомого, соседа не поступило ни к нам, ни в милицию. Теперь о другом. Дом, где живет Золотарев с женой, принадлежит Сазоновой Елизавете Петровне. У нее двое детей, сын четырнадцати лет, дочке десять. Муж ее, Сазонов Степан Тихонович, — владелец самой крупной в городе паровой мельницы. Ушел с войсками Деникина, до сей поры не вернулся. Занимают Сазоновы квартиру номер один. Квартира номер два пустует, в коммунхозе ее взяли на учет. Прежде жил в ней инженер, он был управляющим на мельнице Сазонова. Где теперь он — неизвестно. За домом ведется наблюдение. Пока никто подозрительный к Золотаревым не приходил. Все, пожалуй. Пойдешь ты на Садовую, шесть или нет, решим погодя. Пока можешь прогуляться по Садовой, со стороны погляди на дом осторожно, небрежно, не привлекай к себе внимание. Специально ни за кем не следи. И последнее: сюда больше не приходи, возле чека и не появляйся — это заруби на носу. Вот ключ от десятого номера горсоветовской гостиницы. Пусть она станет пока твоим вторым домом. Можешь изредка и ночевать там. В номере телефон. Ежедневно по дороге в институт звони мне. И учти: за тобой могут вести слежку. По дороге в гостиницу следи, нет ли хвоста.

— Гавронскую навестить? — спросил я.

— Пока нет нужды. Если опять письмом позовет, сходишь. Да, чуть не забыл: в номере стоит полковой денежный ящик. Если что, я оставлю в нем тебе записку. Проверяй ежедневно, ключ от ящика носи с собой. Ну и все. Ступай, Иван Иванович. — Он пожал мне руку. — Спасибо тебе за Садовую, шесть. От всей души.

Я побывал в номере, посидел за столиком и отправился в столовую. Когда обедал, то сосед по столу рассказал мне, как

пройти на Садовую улицу, и я отправился туда.

Улица оправдывала свое название. Палисадники домов, заросшие сиренью, акацией, разделялись только проездами к воротам. Дома утопали в садах. Возле лавочек земля утоптана, шелуха от семечек. Забор дома номер шесть высокий, без щелей. Во дворе, захлебываясь, гремя цепью, залаял пес. Над калиткой прибита жестянка: Садовая, 6. Тарасов А. В.

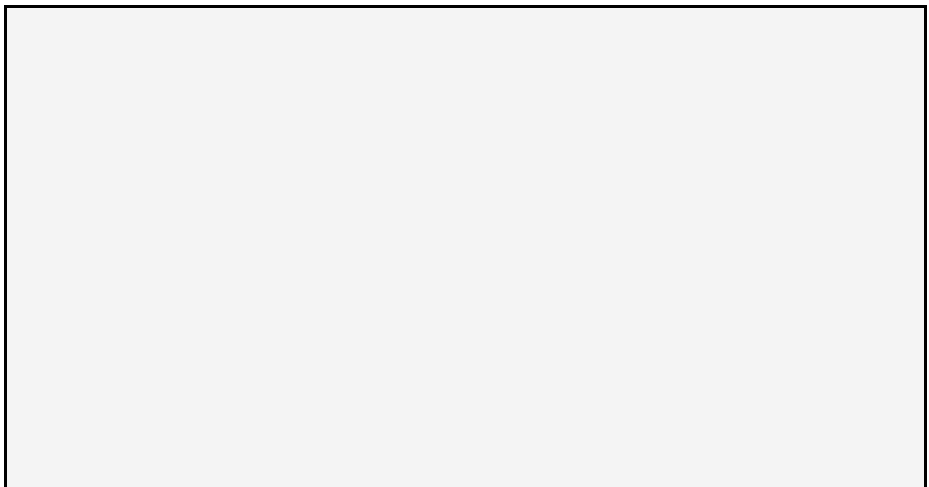
Я оглянулся: улица была пустынна, только мальчишки гоняли колесо по дороге да древний старик в черном картузе сидел на лавочке. В конце улицы я постоял, озираясь. Обратно пошел по другой стороне. Минут десять посидел на лавочке наискосок от шестого дома. Тихо было. Только колесо мальчишек повизгивало. Мимо прошел парень в рубахе навыпуск, в сером пиджаке и с котомкой за спиной. На меня он не взглянул.

Я не ждал, что в шестой дом кто-то придет или выйдет из него. Ну а вдруг?

И вот «вдруг» случилось.

Во дворе шестого дома весело залаяла, повизгивая, собака. Калитка открылась, появилась высокая и стройная девушка в темно-синем платье, с продуктовой сумкой в руке. Она пересекла улицу, направилась в мою сторону. «На ловца и зверь бежит», — подумал я и с равнодушным видом оглянулся. Подобных красавиц я не видывал. Свежий румянец, тонкие брови над карими глазами. Волосы прибраны на затылок, только на щеку падает локон. Она думала о чем-то своем и шагала так, будто старалась идти по одной какой-то полоске.

Что случилось тогда в моей двадцатидвухлетней голове — до сих пор понять не могу. Я пялил глаза на ее нежный румянец, на глаза и губы, а едва она поравнялась со мной, я встал, чуть поклонился и произнес:



— Здравствуйте. Разрешите вернуть вашу книгу.

Она вздрогнула, остановилась. Глаза ее сделались еще больше и уставились на меня.

— Господи, — прошептала она. Глаза ее на секунду закрылись. — Боже мой, наконец-то.

Помню, вдруг за калиткой женский голос визгливо закричал:

— А ну геть витцеля, поганец! Паки ж ты будешь шкодить на кучене?

И девушка словно очнулась, быстро пошла вперед. Я за ней. Мы пошли рядом.

— Я совсем забыла, какую книгу вы у меня брали. — Она смотрела перед собой. — Напомните мне, пожалуйста.

— Третий том Гоголя. Когда можно вам принести книгу?

— Сегодня или завтра. В шесть вечера, как вам удобнее. — Я увидел глаза ее. — Лучше бы сегодня. — Она улыбнулась.

— Я смогу завтра. Только завтра.

— Хорошо.

На углу она подала мне руку.

— Наконец-то, — тихо сказала она, — сколько я ждала! До завтра.

— До завтра.

Я смотрел ей вслед. Она удалялась, наклонив голову, опять ступая так, будто стараясь идти по одной линии. Сворачивая за угол, она оглянулась и скрылась, а я поплелся по улице. Мне не хотелось идти ни домой, ни в гостиницу. Мне вдруг стало жутковато — что я натворил! Потапов уже, конечно, что-то затеял, а я испортил… А если она сейчас же сообщит Андриевскому? А если сегодня прибудет из Крыма настоящий агент к Гавронской и догадается о провале явки? А вдруг у них и еще явка имеется на случай провала одной? Непременно есть. Что тогда? Тогда наша операция лопнула. Андриевский еще глубже спрячется. Надо спешить. Если агент появится, надо взять сразу.

Я бросился в гостиницу, позвонил Потапову. Четко, кратко доложил ему о случившемся. Я слышал его дыхание.

— Сейчас приду, — произнес он.

— Всего я мог ждать от тебя, студент, — заговорил Потапов, быстро войдя в номер, заперев дверь, — но такого! Увидел красивую девку и отчебучил! Сам и расхлебывать будешь, учти. И считай, в рубашке ты родился, ежели обойдется все благополучно. — Я стоял навытяжку. — Как ты мог? Как ты мог? Мы за ночь и день не узнаем, кто сидит в шестом доме! А в соседних домах? Андриевский знает всех офицеров своей контрразведки. Прикинешься ты новеньким — ладно. Но у капитана свой пароль может быть. Эх! Вот шлепнут тебя завтра из-за угла. Либо сегодня в кровати зарежут. Она куда шла?

— Не знаю.

— Не знаю! Хоть бы позвонил прежде, я б дежурного отправил туда. Людей же нет, только вечером прибудут. Неужели провалил дело? — Он уставился на меня. Я молчал. Он нервно

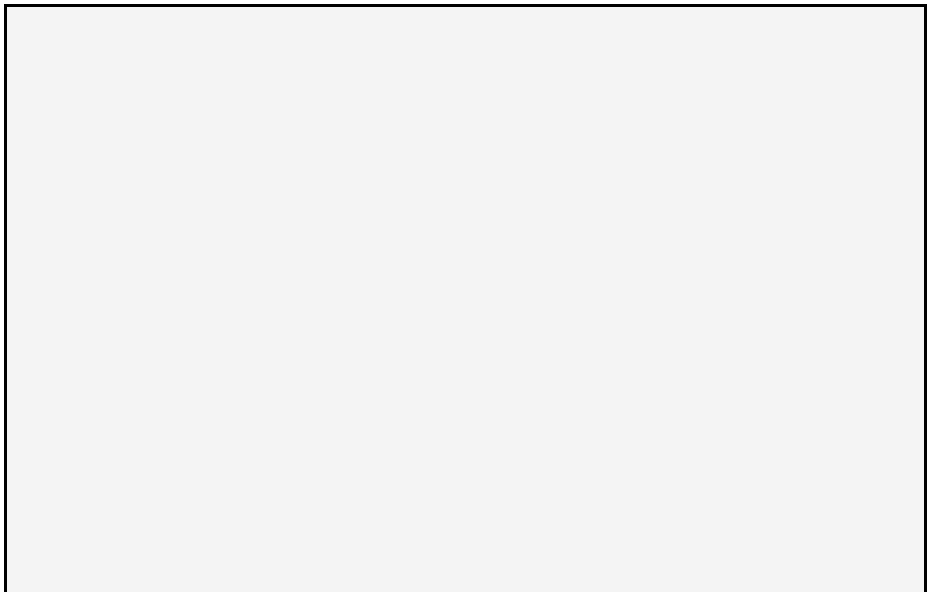
рассмеялся. — А я только что перед Турло распинался, какой ты прирожденный чекист. Погоди, останешься жив, будет тебе награда и поощрение!.. Но давай думать, как расхлебывать. Во-первых, до пяти часов завтрашнего дня из гостиницы ни шагу. Обедать, ужинать будешь в здешней столовой. Сиди и думай, что скажешь своей красотке, если свидание состоится, если она уже не смылась, не катит куда-нибудь в поезде. Ты должен знать, почему не взорвали тогда мост. Ты должен повидаться с Андриевским. Ясно? И выстраивай на этом свою интеллигентскую игру.

Я готов был провалиться, куда-нибудь исчезнуть.

— Да не стой истуканом. Сядь. — Он тоже присел на стул. Тут же встал, ударил меня по плечу. — Ладно, Ванюша, — сказал он, — унывать будем после. Когда узнаем, что все рухнуло. А пока есть надежда. Иди пообедай — вот тебе талоны. Кормят здесь хорошо. До моего прихода или звонка — ни шагу из гостиницы.

До трех часов следующего дня я извелся, сидя в номере. В гостинице газетный киоск не работал, почитать было нечего. Я обдумывал, что говорить на свидании с ней, как вести себя. А на память пришел страшный случай из фронтовой жизни. И никак я не мог выгнать его из головы. Под хутором за Доном белые захватили меня и четырех бойцов спящими. В кармане моих брюк нашли печать военкома полка. За деревней у стога сена расстреливали бойцов по одному.

— Смотри, комиссар, как мы твоих шлепаем, а тебя шлепнем последним!



Но не успел офицер это сказать, как позади солдат ухнул наш снаряд. Меня сбило с ног, чуть контузило. Три солдата и офицер лежали мертвыми, два солдата убежали. Я забрался в стог. Потом увидел наших кавалеристов, побежал искать свою часть.

И вот вспомнилось не то, как бежал искать своих, а те

минуты, когда меня вели к стогу сена. Ужасное было состояние.

Вечером в городе постреливали. Ровно в час ночи, что я отметил, взглянув на часы, из коридора донесся какой-то шум. Двери в номере были двойные. Внутренняя с обеих сторон отделана плотным и толстым войлоком. Такую дверь даже пуля из карабина не пробила бы. Номер мой находился в самом конце коридора. Против моей двери — дверь кладовой. Кто-то топтался, ругаясь, звеня ключами. На первом этаже раздался выстрел. Звеневший ключами выругался, побежал прочь. Я выглянул. Человек уже сворачивал за угол к лестнице. Донесся звон разбитого стекла. Кто-то высадил окно. И стало тихо. Я постоял еще некоторое время, прислушиваясь. Закрылся. Минут через пять в дверь сильно постучали. Я взял пистолет из-под подушки, сунул за пояс и надел китель.

— Кто там? — спросил я.

— Заведующий гостиницей. Откройте, Буданцев.

Вошли заведующий и мужчина средних лет. Лицо его было в каплях пота, он тяжело дышал. Это был работник угрозыска.

— Вы выходили из номера? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Я только выглядывал.

Они переглянулись.

— Я услышал шум в коридоре. Кто-то хотел открыть кладовую. Когда внизу раздался выстрел, этот «кто-то» побежал. И я выглянул.

— Вы видели бежавшего?

— Я успел заметить, что он в черной рубашке навыпуск, в таких же галифе и в сапогах.

— То Винников был, — сказал заведующий.

Он что-то шепнул работнику угрозыска.

— Двери какого-нибудь номера открывались?

— Я не видел. Когда выглядывал, все были закрыты. А что случилось?

— Продуктовый склад наш в подвале ограбили, — сказал заведующий. — Дежурная сказала, один из бандитов на второй этаж побежал. А из пятого номера видели, что ваша дверь открывалась.

Они ушли. Я слышал, как стучали в другие номера. Стянув сапоги, сняв китель и сунув пистолет под подушку, я лег. Я думал о грабителях, об Андриевском, Гавронской и Гавронском. О том, что, если я провалил операцию, покончу с собой. Странно, но мысль такая немного вроде бы успокаивала. Думал о родителях. Но то и дело видел перед собой красавицу: как она удалялась от меня по улице, наклонив голову и вроде бы стараясь идти по

одной какой-то линии. Нет, думал я, девушка с такой яркой и свежей красотой, с такой искренностью в глазах не может быть шпионкой.

Потапов пришел не в три, а ровно в двенадцать. В руке его был портфель. Значит, собрался куда-то ехать. Я сразу отметил, что на лице его нет вчерашней угрюмости. Он бросил портфель на стол.

— Ну и везучий ты, студент, — сказал он, садясь на кровать. — В рубашке родился. Быть тебе чекистом. Я так тебе скажу. И Турло говорил подобное: кто в самом начале действует самостоятельно, из того потом получается чекист. А который сожмется, шагу не ступит без приказа, того сразу уж сажай в канцелярию. Но она, студент, дьяволица настоящая…

Я сидел на стуле, смотрел на Потапова, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Шестой дом на Садовой принадлежит Тарасову Александру Васильевичу. Красавицу, которая сейчас там живет, зовут Ксенией Петровной Тарасовой. Она племянница Тарасова, прописана у него. Тарасов служил у Деникина, но в Крым не побежал, сдался нашим. По дороге в Екатеринослав он заехал в Синельниково, где жил его брат. Брат погиб на фронте, жена его умерла еще пять лет назад. Двадцатилетняя Ксения жила одна. Тарасов продал дом брата, а племянницу привез с собой. До недавнего времени он работал весовщиком на паровой мельнице Сазонова, в доме которого живут Золотаревы. Тарасова сейчас нет дома: недели три назад он уехал в Харьков по каким-то делам, до сих пор не вернулся. До отъезда дяди Ксения работала в конторе мельницы. Теперь же на работу не ходит. Бывает на базаре, в магазинах.

Пойдешь завтра к ней, студент. С книгой Гоголя. В доме у нее никого нет. Кобель — страшный. Волкодав. Но ты его успокоишь — дашь снотворное… в сосиске.

Я коротко изложил Потапову свой план. Скажу, что прибыл узнать, почему не взорвали мост. Ведь взрыв моста создал бы панику у красных. И они не угрожали бы нам, то есть белым, с севера. А Екатеринослав был бы отрезан от Москвы. Я не попрошу встречи с Андриевским, а потребую — он отвечает за мост. Ну, попытаюсь узнать, кто именно должен был взорвать, знает ли она, что тот человек убит. Дядя ее недели три назад уехал куда-то — а не он ли убит-то? По времени судить, — может быть, и он. Если она знает что-либо о мнимой Дубровиной, отравившей Федьку, — выведаю. Расскажет.

— Толково, толково. Очень толково, — кивал Потапов. — Но

помни, Иван: они не дураки. Они собаку съели на разных шпионских хитростях. Андриевский — у-у волк. А красотка после встречи с тобой пошла в магазин и по дороге ни с кем не разговаривала, ничего никому не передавала. Во всяком случае ребята не заметили. А если днем сегодня что-то обнаружится, допустим, что прибыл настоящий связной, а?

— Я думал об этом, — сказал я.

— Терять заговорщикам нечего… Они на все готовы… Но ничего, Ваня. Дом обложим. Вооружиться ты должен основательней. И явишься к своей актрисе в другой одежде, этаким франтом гражданским. Такой фортель на нее подействует, а к тому же мои ребята тебя по костюму узнают. И ежели появятся те, с ними мои и в потемках тебя не спутают. В три часа жди меня. А пока сбегай к старикам своим. Узнай, нет ли письма от Гавронской, не спрашивал ли у них кто о тебе. Ну, скажи им, мол, в институте начались эти самые зачеты, и ты изредка будешь ночевать у товарища, с которым вместе готовитесь. Шпарь.

Письма от Гавронской не было. Опять Петровы встретили меня так, будто я их сын и вернулся с того света. Я рассказал им о зачетах. Дома я сидеть не мог, до трех часов мне надо было что-то делать, двигаться. Я побывал в институте. Пообедал и посмотрел газеты. Из них узнал только, что белополяки все тянут с подписанием мира. О положении на Южном фронте говорилось мало. И ничего конкретного. Значит, дела там не ахти.

В начале четвертого Потапов ввалился в номер с чемоданом в руке.

— Переоденься. — Он тяжело опустился на диванчик.

— Что с вами, Василий Николаевич? — Я впервые нарушил запрет, назвал шефа подлинным именем.

— Ничего. Переодевайся.

В чемодане был костюм из темно-синего бостона английской фирмы, о чем говорила этикетка, белая рубашка, два голубых галстука, фетровая шляпа, английские новенькие туфли, носки и светло-серый плащ-накидка. Браунинг. На кобуре две широкие шелковые ленты с застежками. Туфли и костюм будто изготовили для меня по мерке. После сапог и мундира я чувствовал себя прямо-таки способным не ходить, а летать.

— Добре, студент. Ученые говорят, бабы подвержены каким-то эмоциям. Особенно красавицы. Ты со своей внешностью должен сразить красоту. Но не раскисни, Ваня. Бери ее за жабры. Вторую пушку давай прилажу под левую руку… Возможно, красавица поведет тебя на вторую явку. Там потребуют сдать оружие. Отдашь один, второй останется… Добре. — Он приладил

пистолет.

Я надел пиджак.

— Добре.

Я гляделся в зеркало, не узнавая себя. Приседал, разводил локти, осваиваясь с костюмом.

— Какие вести с фронта? — спросил я. Он молчал. Он спал, откинувшись к стене. Позже я узнал, что Потапов последний год спал только вот так урывками. И в дороге, когда ехал куда-нибудь. Работников было мало. Массу времени отнимали докладные, поступавшие в отдел Потапова. Гражданская война — самая сложная из всех войн. Брат идет против брата, отец против сына.

Было уже ровно пять. Я потренировался выхватывать пистолет из-под мышки. Чтоб освоиться в новом наряде, я хотел прогуляться по городу, зайти в ресторан. Я решил не будить Потапова, но едва открыл дверь, он очнулся.

— Готов? — произнес он. — На фронте особых изменений нет, — сказал он. Видимо засыпая, слушал мой вопрос. — Есть слух, будто Первую Конную к нам перебросят против Донского корпуса… Хорош красавец, — проговорил он, оглядывая меня. — Да, чуть не забыл. — И он подал мне две сосиски, завернутые в вощеную бумагу, для собаки Тарасова — на всякий случай.

Взяв пакет с томиком Гоголя, бросив плащ на плечо, я прошелся с беспечным видом по центральной улице. Вернулся и зашагал по маршруту, намеченному Потаповым. Чтоб наши увидели меня.

Солнце уже опускалось к горизонту, освещало крыши домов, макушки тополей и кленов, когда я оказался на Садовой улице. Люди возвращались с работы. Встречные задерживали шаг, косясь на меня. Пройдя мимо, оглядывались на неизвестного франта. Мальчишки и девчонки откровенно пялили на меня глаза. Шел я небрежной походкой. Но на душе было тревожно.

Вот и заветная калитка.

Едва я остановился, зазвенела цепь, кобель захрипел, залаял. Я толкнул калитку, но ее тут же открыла Ксения. На ней было то же шелковое платье. На ногах те же туфельки на каблучках. Девушка подала руку.

— Хозяйка третьего тома Гоголя, который вы так долго не возвращали, — представилась она, шутливо улыбаясь. — Я уж боялась, что вы не придете.

Я пожал ей руку, назвал себя и прошел в сад вслед за ней.

— В доме есть посторонние? — спросил я.

— Нет, что вы?! Никого нет. Приходила соседка. Я быстро ее выпроводила. Дом пустой.

Я перевел дух. Она, конечно, могла солгать, но голос ее, глаза, улыбка заставляли ей верить. Собака уже только хрипела, захлебываясь злостью.

— Сейчас успокоим его. Идите за мной. Но к нему не подходите. Он умница. Пиратка! — Кобель бросил лапы на ее плечи, лизал ее руки. Но на меня зло поглядывал. — Успокойся, глупый, — говорила она, — у несносный! Свои все, понимаешь? Тут свои. Он поймет все, — сказала она мне.

Прямая дорожка разрезала сад на две половины. В конце сада я увидел забор и белевшую калитку, о которой говорил Потапов. В доме за забором жила семья рабочего со сталелитейного завода. По просьбе Потапова рабочий принял временно на квартиру двух парней.

Пират успокоился и лег.

— Все, — сказала Ксения, — знакомство состоялось. — Сад хотите посмотреть?

— С удовольствием, — ответил я. — Она прошла вперед. Я незаметно бросил Пирату сосиску и услышал, как он клацнул зубами.

— Послушайте, — заговорила Ксения, едва я поравнялся с ней, — вы так выглядите, что вся улица, думаю, уже толкует о вас. — В голосе ее была тревога.

— И отлично, — сказал я, глядя перед собой. — Пусть погалдят. Знаете, когда кто-то прячется в кустах, кому нужно, все равно его увидит. А когда человек открыто гуляет, скажем, в парке в самом экстравагантном наряде, его все заметят, поболтают о нем, но особого внимания он к себе не привлечет. Как вы думаете?

— Пожалуй, верно. Но я вас даже не узнала сразу. Такой шикарный красавец! Я даже растерялась, честное слово!

— А местным туземцам шепните: это, мол, студент из Горного института. Я убежден, у них о студентах самое превратное представление. Знаете песенку: «От зари до зари, как зажгут фонари, вереницей студенты шатаются…» По этой песенке они и судят о студентах. Живут студенты на вашей улице?

— Нет. Кажется, нет таких.

— Отлично… Вы на днях открытку или письмо получали?

— Нет. — Она остановилась. — Ничего не было.

— Странно… — Голос мой был сух, даже строг. Я мутил воду, как говорится, но на нее не смотрел: она притягивала меня к себе все больше и больше. — А на той неделе тоже не получали?

— Не получала, Иван Иванович! Я извелась вся, поймите!

Жду, жду, томлюсь, места не нахожу. И даже весточки никто не подаст! Ведь с ума сойти можно!

— Почтальона вашего вы хорошо знаете?

— Ах, не думайте этого: безобидный совершенно.

— Послушайте, почему я вас в ставке нашей никогда не видел?

— Господи, меня подозревают в чем-то? — Она остановилась. Я только мельком взглянул на нее.

— Нет, нет, что вы!.. Давайте ходить. Пусть соседи любуются. А вы улыбайтесь. Как вас можно подозревать! Но в ставке никто не говорил мне о вашей красоте. Уж поверьте: мне бы все уши прожужжали, если б вас хоть однажды кто-то из наших видел!

Она засмеялась.

— Меня не знают там. Меня Андриевский знает. И еще какой-то тип. Неприятный.

Я усмехнулся:

— Чем же неприятный?

— Ухмылялся как-то противно. Фу! Мне подумалось тогда, что он из бандитов.

— Уж не Федорченко ли?

— Фамилии не знаю. Андриевский никак не называл его. Здоровенный такой. Спал на веранде.

Меня подмывало спросить, когда именно жил здесь Андриевский, но я сдержался. Рано спрашивать. Время еще есть. Из сада было видно крыльцо соседей справа, на нем никто не появлялся. Вдруг ребята отлучились или уснули? Я злился на них.

Едва солнце село, быстро погасла заря, стемнело. Яркие осенние звезды усеяли небосвод. Мы пошли к дому. Пират лежал в будке и не подал голоса.

— Видите, уже считает вас за своего, — сказала Ксения.

Поднявшись на крыльцо, я увидел освещенную веранду соседей. Двое сидели за столиком и пили чай. Отлично.

В доме Ксении стояла темень.

— Держитесь, — Ксения подала руку. Она зажгла лампу в столовой.

Я увидел огромный и тяжелый буфет с посудой, на котором стоял ведерный тульский самовар и две вазы с яблоками и грушами. Посреди комнаты большой овальный стол человек на пятнадцать. По углам фикусы в кадках. Пузатый комод. Над комодом зеркало в ореховой оправе. Часы на стене.

— Осваивайтесь, я сейчас, — и она вышла из столовой.

Я быстро прошел в гостиную. Мягкие кресла, диван, круглый столик, на нем астры в кувшине. Ломберный стол с двумя

подсвечниками. Книжный шкаф. На стенах две картины в золоченых рамах. На одной рогатый олень пил воду из лесного озерка, на второй скакал на коне всадник, похожий на Петра Первого. Он смотрел, обернувшись, на меня. Правой рукой указывал на клубы дыма на дальнем плане картины. И вдруг в высоком трюмо я увидел себя во весь рост. Это был не я, на меня строго смотрел высокий, бледный, худощавый франт.

— Ну и ну, — произнес я вслух. Услышал ее шаги, опустился в кресло и прикрыл глаза ладонью. По шелесту платья я догадался, что она села против меня.

— Итак? — услышал я вопрос. Отнял руку от глаз и весь напрягся. Она сидела в кресле, закусив нижнюю губу, и в правой руке держала револьвер. Я отчетливо видел в отверстиях барабана желтые пульки. Револьвер чуть дрожал в ее руке.

— Итак? — повторила она. — Почему писали мне сюда, а не в контору мельницы?

Мысли мои метались. Я упоминал о почтальоне! Зачем? Вот где я дал осечку: я не мог знать ее адреса! Покуда не заполучу томик Гоголя. Влип? Я откинулся на спинку кресла, смотрел на нее, но видел курок. И палец ее на гашетке.

— Письмо и открытка были посланы на имя Тарасова. Не мной, — сказал я, стараясь говорить спокойно и убедительно. — Я не мог писать, потому что не знал вашего адреса. И не имел права писать. Положите вашу игрушку, она, кажется, заряжена.

— Да, заряжена, — быстро заговорила она. — Я сама заряжала. — Лицо ее перекосила гримаса. — Я сама заряжала, я четвертую неделю сижу в этом доме, никто не появляется! Я с ума чуть не сошла! — Она швырнула в меня револьвер. Я схватил его.

Ее колотило. Я бросился на кухню, где и в чем вода у нее, я не увидел. Одна бутылка с вином на столе была откупорена. Я плеснул вина в чашку, принес ей. Она металась в кресле.

— Отца убили, мать умерла, Василька, жениха моего, убили… А вас никого нет! Я не могу ехать в Харьков, в Екатеринодар, я должна ждать, ждать, ждать!

Зубы ее стучали о края чашки. Она поперхнулась вином, закашлялась.

— Успокойтесь, успокойтесь, — повторял я. Взял ее на руки, положил на диван. — Успокойтесь, — шептал я, гладя ее лицо, виски, волосы. — Я здесь, я с вами… Успокойтесь… Немножко выпейте…

Она сделала три глотка. Лицо ее стало бледно, щеки провалились.

— Сейчас пройдет, — шептал я, — я с вами…

Она перестала дрожать.

— Вы не уходите? — прошептали ее губы.

— Нет, я с вами. Не ухожу, не ухожу, — гладил я ее волосы.

Она забылась. Уснула.

Я проверил двери — заперты. На кухне залпом выпил чашку вина и сам как бы очнулся. С ее револьвером в руке вышел во двор. Темень стояла кромешная.

— Пират, — позвал я.

Кобель не отозвался, но цепь слабо прошуршала по земле. Я бросил в будку вторую сосиску.

Возле забора я чиркнул спичкой, освещая свое лицо. Тотчас из-за забора донесся кашель.

— Все спокойно, — негромко произнес я, — может быть, останусь ночевать.

Мне ответили покашливанием.

Она спала в прежней позе. Дышала ровно, румянец проглянул на лице. Как она была прекрасна!

Я решил осмотреть дом. Из кухни черный ход вел на веранду коротким коридорчиком. Ни слева, ни справа я не увидел двери в стенах коридорчика. Я постучал по стенам — капитальные. Со стороны веранды дверей больше нет. Выходит, какое-то помещение в углу дома без входа? Из подвала должен быть лаз. Непременно. Надо днем проверить.

Я вернулся в гостиную, опустился в кресло. Часы в столовой пробили полночь. Мне хотелось есть, живот подвело.

Ксения открыла глаза, быстро вскинулась, присмотрелась ко мне.

— Боже мой, я спала? — спросила она, силясь что-то вспомнить.

— Немножко подремали, — сказал я, улыбаясь.

— Мы не ссорились с вами?

Я засмеялся.

— Нет. Вы во сне ругали Андриевского. Еще кого-то, кажется, самого Врангеля.

— Пусть. — Она встряхнулась, встала. — Я извелась здесь. Ночью бояться стала, почти не спала. — Она улыбалась. — Вы похожи на одного человека. Я потом скажу — на кого. Первый час ночи! Вы голодны? Конечно же! Пойдемте на кухню. Там чисто, уютно.

Мы разогрели на примусе борщ.

— Соседка научила настоящий украинский борщ варить, — похвасталась Ксения.

Она выпила большой бокал вина. Румянец разлился по ее щекам.

— Вы похожи на Василька, — сказала она, положив

подбородок на руки, в упор разглядывая мое лицо.

— На Василька? — сказал я. — Это что еще за фрукт?

— Вовсе не фрукт. Мы любили друг друга, когда я еще в гимназии училась. Он был сыном наказного атамана. Закончил Кадетский корпус. Хотел поступить в кавалерийское училище. А тут большевики, красные… Убили его под Новочеркасском в январе этого года. Последнее время воевал в танке, которым командовал французский офицер. Танк провалился на каком-то мосту.

— Откуда вы узнали такие подробности? В газетах писали?

— Нет, не из газет. Андриевский все рассказал.

— Он был там во время сражения?

— Люди его были… Видели. У него сведения всегда верные.

Если бы она знала, что Василек ее, возможно, жив! Я участвовал в бою под Новочеркасском, был на мосту, где провалился танк. Возле танка лежал один убитый — французский офицер. Бойцы сказали мне, что зарубили только его одного, чтобы иностранцы не лезли в наши русские дела, а двух русских офицеров забрали в плен. Один из них, наверное, и был Василек. Значит, Андриевский ей наврал. Зачем? Чтобы еще больше настроить против красных?

Я давно не пил вина. В голове шумело. Мне хотелось спать. «Не раскисай!»

— Завтра я увижу Андриевского?

Она покачала головой. Глаза ее сузились, что-то змеиное появилось в облике.

— Он мне срочно нужен. Почему он не взорвал мост при нашем наступлении? — Я ударил ладонью по столу и постарался строго посмотреть на нее. — Он сорвал всю операцию по взятию Екатеринослава. После взрыва моста наши должны были возле Александровска форсировать Днепр и двинуть на город. Он не отрезал город. Почему? Кто виноват?

Она вдруг расхохоталась.

— Послушайте… Вы в каком звании? — спросила она. В глазах и в голосе ее скользнула усмешка.

— Не имеет значения, — сказал я.

— Не доверяете мне? — усмехнулась она. — Да послушайте: я давно уже не глупая гимназистка! Что вы изучаете меня, следите за мной! Я же вижу! Где мой револьвер?

Я положил револьвер на стол. Она сунула его в сумочку, которую спрятала в большую хозяйственную сумку.

— Конспирация, — покачал я головой. — Вам бы маленький дамский браунинг.

— У меня был. Андриевский ваш забрал перед отъездом.

Испугался, я натворю чего-нибудь. А я у дяди нашла новый. Ведь каждую минуту я ждала ареста. Вы слышали про чека? Просто так я бы не сдалась. Рассчиталась бы, а потом себя.

— Гавронский не выдаст? — спросил я. — Он же в чека, вы знаете? Мне мать его сообщила.

— Гавронский ничего не знает. Он не в организации. Андриевский прежде где-то встречался с ним в дорогих кабаках. Гавронский проиграл ему много. Жених!

— Ваш?

— Да. Из-за меня и согласился подержать у себя Гоголя.

«Лидия!» — мелькнуло в моем мозгу. Мать умерла, отца убили и Василька тоже. А Гавронский — жених! Она — Лидия! Но какова ее роль? И зачем в томике Гоголя зашифрован адрес ее дяди и врача Золотарева? Возможно, она и не знает об этом, сделал так Андриевский. А дядя знает об организации?

— Да скажите мне, — услышал я шепот, — чем все кончится для нас? Будет какое-нибудь задание или через фронт уйдем?

Вот что сверлит ее мозг!

— С кем из ваших я могу здесь встретиться? — спросил я.

— Да не ловите вы меня! — воскликнула она. — Вы же отлично знаете: я не имею права назвать вам ни одного адреса! Даже сам Врангель прибудет, я не скажу. Иначе завтра же я получу пулю. Будто вы не знаете Андриевского!

— Мне он нужен.

— А я не знаю, где он… Но скоро я стану свободной!.. Я знаю адрес одного человека в Харькове, ему я должна принести томик Гоголя. Человек сведет меня с капитаном. Я расскажу о вас и — свободна!

— Как свободны? — строго и с удивлением спросил я.

— Из этого дома уйду. В любом другом месте смогу жить. Все. — Она потянулась. — Я спать хочу. Вы уже спите. Посмотрите на себя. Господи! — Она встала, быстро поцеловала меня, убежала в комнаты.

Я сидел. Сон будто рукой сняло.

— Василек! — позвала она меня. Она уже стелила мне на диване в гостиной. — Я буду звать вас Васильком. Хорошо? — Она смеялась. — Вы очень похожи. Он такой же был стройный и красивый. Он был настоящим офицером. Когда мне ехать в Харьков? Вот это от вас зависит. Когда?

— Я вам скажу завтра. Или послезавтра скажу. В городе у меня есть одно дело.

— Не знаю, но догадываюсь. Еще одна явка на Железнодорожной? Я только слышала. Я хитрая. Я все слышу, все вижу. — Она упала в кресло. — Еще день, два продержусь здесь, а

там…

Я насторожился, присмотрелся к одному из окон.

— Да не бойтесь вы, никого там не может быть. Пират мигом учует! А у меня и сон пропал! Ха-ха! Знаете, Василек, выпьем еще вина? Такой день, такая ночь! Будем кутить. И пошли все к чертям!

Она принесла вазы с яблоками и с печеньем, вино в графине и высокие рюмки. Скрылась в спальне и вернулась с гитарой.

— Прикрутите, Василек, фитиль в лампе…

Как она пела! Она спела «У камина», «Отцвели уж давно хризантемы в саду», «У вагона я ждал». И под конец любимые свои: «Вот вспыхнуло утро, румянятся воды», «Белой акации гроздья душистые». Она пропела их дважды. Вдруг заплакала, бросила гитару и убежала в спальню. Я посидел, с трудом встал, разделся. Сунул пистолет под подушку и лег, положив руку на пистолет.

«Дело сделано, — думал я, — должно быть, капитан запретил ей открыть свое настоящее имя… Хорошо… Капитан… Доберемся мы до тебя…»

В доме было тихо. Лампу я не потушил. Слабый ее свет освещал стол, небольшой круг пола. Тикали часы. Вдруг я услышал какой-то шорох. Где? Я приподнялся на локтях. Лидия слабо вскрикнула в спальне и тут же появилась в гостиной в одной рубашке. Лицо ее выражало испуг.

— Что такое? — произнес я, держа руку под подушкой, и сел.

— Мне страшно, Василек, — шептала она. — Второй наган я храню под матрацем. Он лежал с правой стороны, у самого края… И взведен всегда был, Василек… Кто-то был днем в доме, Василек… С левой стороны лежит, курок спущен. А ведь спальню я запираю! — Она вздрагивала.

Я понял, что ребята наши днем пошарили в спальне.

— Успокойся. Со мной не бойся… Пират же молчит.

— Я не пойду туда. Я посижу здесь.

— Сиди. Будь со мной. Успокойся.

Проснулся я в полдень. Солнце заливало гостиную. Лидия спала. Голова ее лежала на моей руке.

Ночью она открылась мне. Как я и догадывался, она не Ксения, а Лидия Золотарева. Отец ее из дворян, окончил в свое время Николаевское кавалерийское училище. На германском фронте командовал полком донских казаков, заслужил Георгия, шашку в серебряных ножнах. После ранения его назначили начальником Новочеркасского кадетского корпуса. Гимназисткой Лидия мечтала о женских курсах в Киеве, хотелось и актрисой

быть. Красные разрушили все ее мечты. Осенью прошлого года она уехала из Новочеркасска к дяде в станицу Кореновскую. Там впервые увидела Гавронского, Андриевского. В начале июня Андриевский опять был в Кореновской. Он и рассказал, что в боях за город почти полностью была уничтожена дроздовская дивизия и отряды Кадетского корпуса, которыми командовал отец Лидии. Отец погиб. А мать ее при наступлении красных уехала в Екатеринодар, где умерла от тифа. Тогда же Андриевский поведал ей и о гибели Василька.

— Со мной впервые случилось что-то ужасное, — говорила она. — Я бросилась бежать куда-то и больше ничего не помню. Потом мне рассказали: я девять дней пролежала. Никого не узнавала… Я бы, может, с ума сошла. Но дядя спас. Он опытный врач… И вот тогда в Кореновской оказался Борис Гавронский. Предложил мне руку и сердце, защиту в жизни от всяческих бед. Я дала согласие. Я бы за любого тогда вышла!

А потом опять в Кореновскую приехал Андриевский. Он-то и вдолбил ей в голову: мстить красным за все то зло, которое они принесли ее семье.

— Я вступила в организацию. Дядя ничего не знал и не знает. Он врач опытный, но чудак. Старого пошиба человек. Ему что свои, что красные — одинаково. Он тех и других лечит. Сейчас он здесь живет, в городской больнице работает…

Лидия уехала из Кореновской вместе с Андриевским, захватив документы сестры милосердия Анны Дубровиной. В Синельникове их ждал Тарасов, бывший денщик Андриевского. Тарасов выкрал паспорт у своей племянницы Ксении и под именем Ксении поселил в своем доме в Екатеринославе Лидию.

Для отвода глаз Лидию по паспорту Ксении оформили счетоводом в конторе паровой мельницы. А по документам Дубровиной она стала работать в госпитале. Собираясь на смену, Лидия сильно румянилась, мазала брови, губы.

— Одевалась я так, что никто бы не узнал меня. Притворялась, что пью водку и даже спирт, представляешь? — говорила она с таким видом, будто притворство это было самым страшным в ее деятельности. — Налью воды в стакан, выпью разом. Водой же запью. «Закусывать мы непривычны», — скажу напарнице. А она только глазами хлопает!..

В госпитале Лидия добывала документы, которыми снабжала офицеров, пробиравшихся в Крым. Морфий она таскала из госпиталя, отдавала Андриевскому. О том, что мост должны взорвать, Лидия знала. Еще во время летнего наступления Врангеля мост должны были взорвать. Но летом акцию ставка отменила. В сентябре оттуда передали приказ: едва захватят

Александровск и Синельниково, мост взорвать. Федьку Матвеева, денщика Гавронского, Лидия видела один раз, когда Гавронский заезжал с ним в Кореновскую. Но внимания на денщика не обратила. А когда привезли его с разбитой головой, в бинтах, тем более признать не могла. Он кричал от боли, она ввела обычную дозу морфия. Раненый уснул. Минут через двадцать она вернулась, он был мертв.

— Я же не училась на курсах, Ваня! И не знала, что при разбитой голове нельзя морфий вводить! Выбежала я во двор, туда-сюда хожу: сказать или не сказать главному врачу о морфии? А ночь кончается, светлеть стало, скоро напарница придет! А тут слышу шаги, подходит какой-то военный.

— Сестра, — говорит, — вы Анну Дубровину знаете? — и присматривается ко мне. — Это вы?

— Да, я.

— Вчера днем в госпиталь поступил боец с разбитой головой и с переломанной рукой, где он лежит?

У меня, Ваня, и ноги подкосились.

— В моей палате, — говорю ему.

— Приказ Андриевского: он должен умереть.

— Он умер, — сказала я. — И бросилась бегом из госпиталя…

Завтракали мы на веранде. Пират лежал возле будки, смотрел на нас печально, вяло помахивал хвостом.

— Я же говорила: он умница, — сказала Лидия. — Знает, на кого надо бросаться, а на кого нет.

— А Борис Гавронский бывал в этом доме? — спросил я.

— Да нет! Я же говорила: он не с нами. Чекисты — дураки, грубые ослы. Сами не знают, что делают: держат его в тюрьме и тем самым спасают.

Я молчал.

— Ему приговор давно уже вынесен, — продолжала Лидия. — Изменник. Продался большевикам, служить стал у них. Андриевский говорил, что Гавронский больше ему не нужен.

— А если он расскажет большевикам о томике Гоголя?

— Ни за что. Я просила его, а он любит меня. При свидании он уговаривал меня уехать в Москву, сбежать от Андриевского. В Москве у него родня. Я сказала — подумаю. Мне жалко его было.

Я достал часы, посмотрел время.

— Спрячь их, Василек. Не смотри! — Она то и дело сбивалась с Ивана на Василька.

— Слушай, — сказал я, — а если твой мнимый дядя Тарасов приехал вчера или сегодня, заметил меня и следит за нами?

— А я не говорила разве тебе? Тарасова убили. Он же должен

был взорвать мост. Я всем соседям говорю, что он уехал к больной сестре в Харьков. Но будет об этом, Ваня. Пойдем в сад.

Мы гуляли по дорожке.

Она молчала. Видно было по лицу, она что-то решает. Что?

— А на какие средства ты эти дни живешь? — спросил я. — Деньги нужны?

— Нет, Ваня, не нужны. Под домом два подвала. Набиты мукой. А она дорогая стала. Даже золотые червонцы платят. Пуд продам — и что хочешь покупай.

— Сама продаешь? — Мы шли к калитке.

— Сама. Научилась. По полпуда ношу. Вечером придешь?

— Постараюсь, если ничего не случится.

— С тобой ничего не случится. Я чувствую.

Я быстро зашагал к калитке. Я специально хлопнул ею. Пират звякнул цепью. Но голоса не подал.

«Ай да капитан, — думал я по дороге к гостинице, — «маленький капитан в пенсне»! Волк. Но мы тебя обложим. Я доберусь до тебя, капитан. Потапов говорил, что ты много раз уходил из засад, от облавы, но теперь не уйдешь…»

Сердце колотилось.

Классового врага я в Лидии не видел. Убеждений у нее нет. Капитан увел ее от дяди, от Гавронского. А вдруг и от матери? Вдруг мать жива? И Василек, возможно, жив. Я даже на секунду замер, будто споткнулся. Мне не хотелось, чтоб он остался жив.

Покуда шагал к гостинице, я мысленно поймал Андриевского, побывал у Турло, в Москве у самого Дзержинского. И Ревтрибунал вынес приговор Лидии: «Принимая во внимание политическую неграмотность и злое воздействие и влияние на Лидию Золотареву убежденных врагов революции, в окружении которых она оказалась, считать приговор условным».

Потапова на месте не было. Я подумал и позвонил дежурному. Тот ответил, что не знает, где Потапов. Я свалился на кровать. И тут же мозг прорезала мысль: но она ни одного адреса здесь, в Екатеринославе, не назвала! А вдруг играла и на чем-то подловила меня? А сейчас уже собрала вещички и бежит куда-то?

Я заметался по номеру, но вспомнив, что за домом следят наши люди, успокоился. А сердце все равно ныло.

Позвонил еще раз Потапову.

— Слушаю, — произнес голос Потапова, и минут через десять он был в номере.

Когда я рассказал обо всем, что увидел и услышал, Потапов встал и в волнении прошелся по комнате.

— Добре, — произнес он. — Теперь крышка Андриевскому. Расцеловал бы я тебя, студент, но уж как-нибудь потом. Что

будем делать?

Я ждал этого вопроса. Два плана у меня уже зрели в голове.

— Завтра же Лидию пошлю в Харьков, — начал я уверенно. — Двое наших и я едем в том же поезде. В Харькове она является по адресу с томиком Гоголя. Ее ведут к Андриевскому. Там мы его и схватим. И второй вариант возможен: я назначаю капитану встречу в Екатеринославе. В доме Лидии или в доме Гавронской. Вы с людьми будете в засаде. Дадите мне минут сорок на беседу с ним. Я кое-что из него вытяну, а потом — возьмем его.

Лукавство мелькнуло в глазах Потапова.

— Ты слушал, студент, старые кучера иногда говорят: «Тройка моя ни с того ни с сего вдруг понесла»? Бывает так: пристяжная вдруг взыграет, рванется вперед. А коренник, почуя облегчение, тоже рванет. И вторую пристяжную собьют с ходу. И понеслась тройка! Дак вот ты позавчера вроде пристяжной был. Рванулся — повезло, и я за тобой. А куда несемся — неясно. Укороти себя, Ванюша. Лидию в Харьков мы пошлем, но поедет она одна, потому что как только она появится с томиком Гоголя, за ней начнут следить, и нас засекут. Значит надо, чтобы она привезла Андриевского сюда. Но к Гавронской он не пойдет: ее сын арестован, капитан уверен, что за домом наблюдают. И к Лидии в дом, скажу тебе, он не явится, потому что никому не доверяет. Следовательно, нужно третье место встречи.

— Врач Золотарев, — сказал я.

— Вот! Но треба обмозговать. И еще заранее, студент, скажу: беседовать ты с Андриевским не будешь ни одной минуты. Он волк, лиса, мигом тебя раскусит и уйдет. Будем брать его сразу, как только он появится в доме Золотарева. Операцию разработаем позже. А сейчас вот что: изучи-ка ты, студент, расположение наших и белых войск на Южном фронте. Изучи хорошенько, — серьезно добавил он. — Схема полуторанедельной давности. Волноваха и Мариуполь были еще наши. Запомни, обмозгуй. На тот случай, ежели сегодня вдруг столкнешься у красотки с кем-нибудь из ихних. Ты в Крыму бывал?

— Нет, не приходилось.

— Не беда. Говори, что ты был в армейской разведке генерала Дроценко. Оттуда тебя перевели в Мелитополь. Можешь сказать, что как раз тогда приехал сам барон Врангель. Будет спрашивать об офицерах разведки, улыбнись, дай понять, мол, о подобных вещах сообщать нельзя. В разговоре скажи, мол, генерала Кутепова знавал, когда он был еще корпусным командиром. И тому подобное.

Когда я изучил схему расположения войск, Потапов сжег ее в печке, а пепел разметал кочергой. И теперь я представлял себе

позиции второй армии генерала Дроценко, растянувшиеся вдоль левого берега Днепра, от Никополя и до самого Херсона. Только возле Каховки наши держали плацдарм на левом берегу реки. В этом месте белые сосредоточили танки. И бросили сюда корниловскую дивизию. На север же и на восток рвались дивизии первой армии генерала Кутепова. И на восточных позициях положение было крайне тяжелым.

«Хвост» за собой я так и не заметил. Листья кленов на Садовой улице уже желтели и опадали. Мальчишки запускали змея. Старик, которого я видел впервые появившись здесь, сидел на лавочке. Сегодня он мне показался почему-то подозрительным. Пират лежал возле будки. Увидев меня, он вильнул хвостом, поднялся. Я бросил ему сосиску.

Лидия лежала в саду в гамаке, привязанном к стволам яблонь. Я прикинул, что место выбрано удобное: она могла видеть и двор, и входную калитку, и калитку в заборе, ведущую в проулок.

Она лежала, прикрыв глаза, и когда я подошел, протянула руку. Лицо ее казалось спокойным.

— Я знала, что ты именно сейчас придешь, — проговорила она, улыбаясь.

— Как же ты узнала, что я именно сейчас приду? — Я отпустил ее руку и стоял. Но вдруг мне захотелось схватить ее, сильно сжать, тряхнуть. И потребовать немедленного признания: за кого на самом деле она меня принимает?

— А я много предчувствую, Ваня, — сказала она, не меняя позы. — И знаешь, я ужасная фантазерка. Я в гимназии училась и всегда фантазировала. Помню, учили историю Франции, и я воображала себя Жанной д'Арк…

— Никто не появлялся из наших? — спросил я.

В ответ она вскинулась, будто ее вышвырнула из гамака какая-то сила.

— Ваня, Ваня, дорогой мой! Никого не было, никого я не хочу видеть, никаких Андриевских я не хочу больше знать вместе с их планами! Убежим отсюда, Ваня! Уедем за границу! Когда отец отправлял меня в Кореновскую, отдал чемоданчик с фамильными драгоценностями. Их много, очень они дорогие. А кончится здесь драка, мы вернемся!

Все лицо ее было мокро от слез. Она дрожала.

— Успокойся, успокойся, все будет хорошо, — шептал я.

Неожиданно она оттолкнулась от меня, бросилась к дому. Когда я вбежал в дом, в комнатах ее не нашел. В кухне я увидел под сдвинутым в сторону столом открытый люк в подпол.

Лестницы не было. «Неужто прыгнула туда?» — мелькнуло в голове. Она швыряла в стороны ведра, банки.

— Найдем, сейчас найдем, Ваня, — говорила она, — и ночью убежим, уедем.

В погребе было темно. Я поймал ее руки, притянул к себе.

— Лидия, Лидия, — твердил я. — Успокойся же наконец! Нельзя так!

Она прижалась ко мне.

— Ванюша, я за тебя боюсь, миленький мой, дорогой мой! Я за себя теперь не боюсь, я ничего не хочу и не боюсь, Ваня! Но тебя могут убить! Убьют тебя!

— Кто? Кто убьет?

— Я не знаю, но я предчувствую. Должно случиться что-то ужасное!

Кое-как я ее успокоил. Нашарил лестницу, мы выбрались. Я отнес ее на диван. Мы смотрели друг на друга некоторое время.

— Уедем? — произнесла она.

— Ну вот, — отвечал я, — ты и успокоилась. И отлично. И уедем с тобой, уедем куда-нибудь.

— Этой ночью?

Я засмеялся:

— Да нет, что ты! Ты же дочь офицера, и я офицер, выполняю задание. Я не могу его не выполнить. Что бы ты сказала об отце своем, если б он сбежал?

— Да, да, — кивала она. Лицо ее вдруг осунулось, вокруг глаз обозначились темные круги. Только на фронте, в госпитале я видел, чтоб так быстро менялось лицо человека.

— Я посплю немножко, — произнесла она тихо и улыбнулась виноватой улыбкой. — Ты не уйдешь? Я сто лет не спала. Не уйдешь?

— Нет, нет. Никуда не уйду. — Я принес из спальни простыню, укрыл ее. Сам сел в кресло и обхватил голову руками.

Как выручить ее из беды? Глупую девчонку заманили в организацию. Что она сделала?.. Да, все будут уверены, что она отравила Федьку Матвеева, чтоб он не проговорился. В Ревтрибунале слезам не верят… Но надо будет драться за нее. Она не виновата… Ведь я и сам не сразу разобрался в происходящих событиях. Дед мой имел надел земли в Тамбовском уезде в две десятины и одиннадцать человек детей. Отец закончил церковно-приходскую школу, потом земскую. Работал писарем. Позже сдал экзамен «на первый чин». Стал получать пятьдесят рублей в месяц. Было нас у него девять человек детей. Из них я самый старший. Поступил в Горный институт. Особенно я не нуждался, но давал уроки. И жил

безбедно. Что я читал? Майн Рида, Фенимора Купера, Хаггарда, Жюль Верна, Конан Дойла, Сетона-Томпсона, Дюма, Марка Твена… Что я мог тогда знать о революционерах?! Так же и Лидия…

Размышляя в таком духе, я задремал в кресле. Когда очнулся, Лидия возилась на кухне. И опять она поразила меня. Тени у глаз исчезли, она вся сияла.

— Проснулся? — воскликнула она и унеслась на веранду. Промелькнула обратно с чугунком в руках. Казалось, ничего ее уже не тревожит.

— Настоящий узвар, украинский грушевый узвар! — почти кричала она. — Холодный любишь или горячий?

— Любой…

О том, что Лидия, кажется, любит меня, я решил не говорить Потапову до поимки Андриевского. Повторяю, мне было двадцать два, ему лет сорок или больше. Мне представлялся он пожилым, грубоватым. Думалось, о любви он понятия не имеет. Скажет, что я раскис, мучаюсь дурью. Вдруг и от дела отстранит. Как я ошибался!

На улице стемнело. Лидия весело говорила, что с моим появлением и Пират даже успокоился. Много спит. И на мальчишек не обращает внимания, когда они толкутся и шумят возле калитки. Где-то далеко женщины пели хором:

Виют витры, виют буйны…

Я слушал, смотрел на окно. Оглянулся на Лидию, и она снова поразила меня: только что смеялась, а тут глаза сузились, она строго смотрела на меня.

— Ваня, только правду скажи: что у тебя случилось? — спросила она.

Я засмеялся.

— Ничего особенного. А в чем дело?

— Не лги мне. Когда я лежала в гамаке, ты подошел, и я сразу поняла: что-то случилось.

— У тебя в роду были цыгане? — спросил я.

— Не надо шутить, Ваня. Руки твои были холодны. Ты был совсем другой. И голос был не твой.

Ну и ну!

— Ничего не случилось. Все отлично. Я просто думал о предстоящей твоей поездке в Харьков. — Я достал из кармана билет, положил на стол. — Завтра утром нужно ехать.

— Во сколько отходит поезд?

— В девять.

Мелькнула ее рука, и билет исчез. Я даже не заметил, куда она его сунула.

— Завтра вечером, Лида, или послезавтра утром я должен встретиться с Андриевским. Непременно. Времени нет. Приближаются серьезные события.

— Новое наступление? За Днепр?

— Я попрошу тебя: о таких вещах пока что не спрашивай меня. Умоляю тебя.

— Ни да, ни нет — значит — да! Отлично. Я не буду ни о чем спрашивать. Я твоя умница.

— Слушай, можно мне с тобой поехать? Нет времени ждать. Пойми, нет совершенно!

— Ни в коем случае. Андриевский тогда исчезнет. Или нас обоих прибьют.

— Дьявольщина! — Я встал, походил и сел. — Пойми меня правильно, Лида. Вдруг в Харькове что-то случится и ты задержишься. С кем я здесь могу связаться, чтобы найти тебя?

— Ни с кем. Абсолютно. Все рухнет. Такой пойдет переполох, что я и на самом деле не вернусь из Харькова.

— Но оставь мне хоть адрес того болвана, к которому ты явишься! Хоть маленький след мне оставь, Лида! Чтоб я знал, где начать тебя искать.

— А если там уже провал? — Она покачала головой. Она смотрела на меня, но мысли ее были далеко. — Ты знаешь, как мы уйдем, Иван?

— О чем ты говоришь?

— Мы сразу в Крым не поедем, — ответила она быстро. — Мы сойдем в Ново-Алексеевке. Поезд там останавливается ночью. Там живет наш человек. Он провезет нас на лошади в Геническ, посадит на пароходик, высадит в Крыму и провезет в Феодосию. Этот путь знаем я и Андриевский. Больше никто. В Феодосии живут знакомые отца. Остановимся у них, а потом на пароход — и мы вольные птицы! Сегодня ночью мы перевернем весь этот проклятый дом. Но найдем чемоданчик с драгоценностями!

Вот чем занята ее головка!

— Сегодня ночью ты будешь спать, — строго сказал я. — Ничего мы искать не будем. Найдем после встречи с Андриевским. Передай ему: мне нужен он, хотя бы на двадцать минут. А потом он пусть катится к чертям! Слушай, Лидия, а вдруг Андриевского там нет? Вдруг он после провала с мостом сам уже давно через Феодосию улепетнул?

Она даже расхохоталась.

— Ты плохо знаешь его, Ваня. И прошу тебя: не грози ему, будь осторожен. Он злой. Где вы встретитесь? Здесь?

Я ждал этого вопроса. Я хотел, чтоб она задала его.

— Нет, не здесь. Сюда ему нельзя. За мной могут наблюдать. Понимаешь?

Она кивнула.

— У Гавронской ему появляться тоже нельзя: сын ее арестован, ясное дело, за домом наблюдают. Нам можно встретиться у твоего дяди. Его квартира вне всякого подозрения. У красных доктор Золотарев на хорошем счету.

— Но позволит ли дядя?

— Ничего он не скажет. Он знать ничего не будет. Завтра суббота. — Я достал три билета. — Слушай внимательно. На завтра чета Золотаревых приглашена сотрудниками больницы в театр, ясно? В четыре часа дня ты должна вернуться из Харькова. Если Андриевский завтра не приедет, получится так, что дядя твой не сможет пойти в театр: у него могут пропасть билеты или его задержат в больнице дела. Тогда в театр Золотаревы пойдут в воскресенье. Держи три билета. Покажешь их Андриевскому, объяснишь ситуацию. Он поймет. Когда ты вернешься, два билета отдашь мне. Их получат Золотаревы. А третий отнесешь Гавронской.

— Гавронской?

— Скажешь, что жила в Синельникове, приехать раньше не могла. Теперь хочешь ее познакомить с родными. Ты тоже пойдешь в театр, Лида.

— Нет! — вспыхнула она.

— Ты пойдешь в театр, Лида. Так надо. — Я опять внес свою поправку в план операции, составленный с Потаповым. Я испугался за Лидию: если будет перестрелка, ее могут убить.

— Нет! — повторила она. — Я буду при встрече. Я боюсь за тебя, Ваня. Ты не знаешь Андриевского, его людей. Да, они виноваты, что мост не был взорван. Они тебя могут убить. Теперь я поняла, почему мне было страшно. Они могут убить и после встречи. Я буду с тобой!

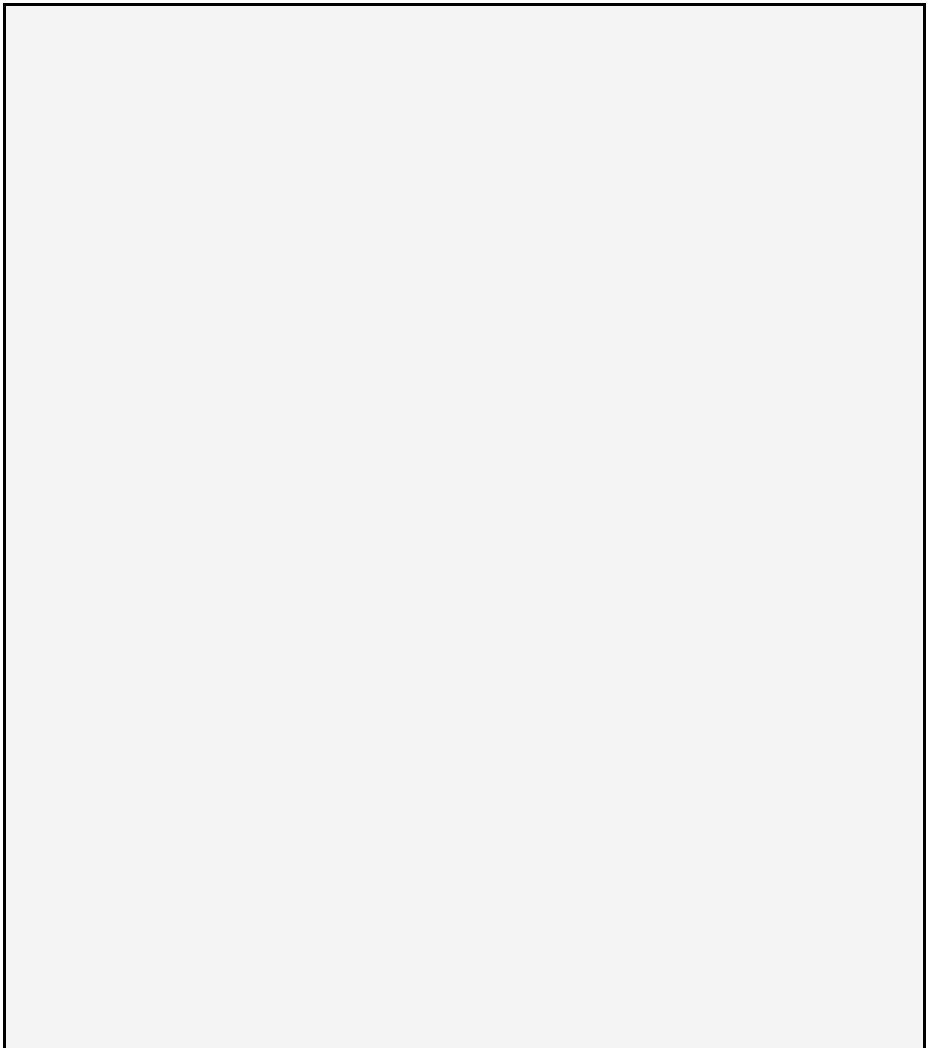
— Ты пойдешь в театр. Билет твой будет у меня. Андриевскому не говори, что будешь в театре. Так надо. Есть вещи, Лида, о которых должны знать только он и я, понимаешь? А ты и не дашь остаться с ним наедине хоть на минуту. Очень и очень важное дело, Лида. Только тебе скажу одной, но Андриевскому ни слова об этом, иначе меня уничтожат: возможно, бежать нам никуда не придется, понимаешь? Красных погонят, силы мы собрали огромные, Лида. Через месяц начнется новая жизнь!..

Не помню, что и как я еще говорил ей. Мне хотелось, чтоб она успокоилась, выполнила поручение! И осталась жива.

— Хорошо, хорошо, Ванюша. Я согласна. Я пойду в театр…

Утром мы позавтракали. Лидия собралась в дорогу, сбегала к соседке, сказала, что уезжает на пару дней в Синельниково. Попросила присмотреть за домом, покормить Пирата. И мы отправились на вокзал.

До отхода поезда мы с Лидией прогуливались по платформе. Сумочку она держала в правой руке, томик Гоголя — в левой. В поезде должны были ехать три сотрудника Потапова. Один свяжется в Харькове с Особым отделом фронта, второй должен там следить за Лидией, а третий будет сопровождать Андриевского в Екатеринослав. Поглядывая на отъезжающих и провожающих, я пытался определить, не следят ли за Лидией и мной.



— Держись спокойней, — шепнула мне Лидия, глядя перед собой. — Я еду в Харьков по делам, вот и все.

Она засмеялась и стала что-то рассказывать.

Прозвучал колокол отправления, Лидия вошла в вагон. Еще позвонили, и поезд ушел. Ни своих, ни чужих я не приметил. Медленно побрел к гостинице. Тяжело было на душе. Что ждет

Лидию в Харькове? Когда она вернется? Приедет ли Андриевский?

В номере я ни сидеть, ни лежать не мог. В шкафу на верхней полке лежал томик Тургенева «Записки охотника». Рассказы мне нравились. Захватывала поэзия, разлитая по всем страницам. Но тогда я полистал книгу и бросил на стол. Я снял костюм, надел гимнастерку, брюки галифе. Сразу почувствовал себя подтянутым, готовым к боевым действиям. И даже успокоился немного. Все будет отлично, говорил я сам себе, оправляя гимнастерку. Оба пистолета положил в полковой ящик.

Я сходил в институт, побродил по городу. Навестил Петровых. Старики обрадовались моему приходу. Расспрашивали, как проходят зачеты. Я отвечал, что все очень хорошо, дела подвигаются. Отдал деньги за квартиру, сели обедать. И я спросил:

— А не было ли мне письма?

— Не было, Иван Иванович, — отвечала Мария Григорьевна и всплеснула руками. — Ох, что тут случилось вчера со мной на базаре, Иван Иванович! Послушайте. Купила я говядины к обеду и, знаете, даже подумала: вдруг и Ваня сегодня придет, покормлю его хорошенько. Повернулась да так и застыла: вылитый вы стоите ко мне боком и разговариваете с каким-то гражданином в мохнатой шапке. Знаете, эти с Кавказа, они и летом в таких шапках ходят.

— Иван Иванович! — окликаю вас, а вы не оборачиваетесь. — Иван Иванович! — говорю уже громче. И тут вы повернулись в мою сторону, но не на мой голос, а кого-то поманили рукой. И тогда я увидала, что это не вы вовсе. Похож на вас. Бывает же так. Вот старые глаза как подводят…

От Петровых я ушел, когда стемнело. В номере ждала меня записка Потапова, что завтра в десять утра он придет ко мне. Беспокойство снова овладело мной. Я позвонил Потапову, он не ответил. Звонил еще и еще — напрасно. Только часа в три я забылся с томиком в руках.

Стук в дверь разбудил меня. Враг не мог так громко стучать. Я распахнул двери. Это был Потапов с портфелем в руке.

— Ну и здоров спать ты, студент! — говорил он. — Чуть дверь твою не разбил, а ты спишь! Зачитался вчера? — поймав взглядом книгу, говорил он бодрым голосом, но по лицу его я видел, что он с дороги и устал. — Тургенев «Записки охотника», — прочел он. — Да ты охотник? — Он сел на кровать. — И я люблю побродить с ружьишком. Но теперь у нас другая дичь! Поганая. Слушай сведения из Харькова: Лидия

посетила квартиру старого спеца, он работает в Харьковском губпредкоме. Вместе с ним отправилась пешком в дачный поселок. Там она осталась в доме инвалида, бывшего офицера. Наши установили: к владельцу дома, где осталась Лидия, часто приходит гражданин небольшого роста, носит он пенсне и выправкой напоминает офицера… Он, Ваня, он, Андриевский. Только бы клюнул и приехал! А что у тебя?

— Когда мы обсуждали план операции, то не учли одного: Гавронская не пойдет в театр одна. Вообще женщине приличнее в театр идти с кем-нибудь. С ней должна быть Лидия. Там она и познакомит Золотаревых с Гавронской.

Потапов подумал.

— Ты уже сказал об этом Лидии?

— Да.

— Лидия сообщит об этом Андриевскому?

— Она не хочет оставлять меня наедине с ними, — сказал я.

— Почему?

— Она боится, что Андриевский меня застрелит.

— Да за что, черт возьми?

— Видите ли, я ей сказал, что сентябрьское наступление сорвалось из-за того, что мост не взорвали. И отвечает за это Андриевский. Она боится, они укокошат меня и пошлют свою версию — почему не взорвали мост. Возможно, Лидия думает, что я имею полномочия разобрать дело на месте. И вынести решение.

— Так, так… А чего ж это красотка так за тебя переживает? — спросил Потапов.

— Не только за меня… Она вообще не хочет ссоры, стрельбы. Она говорит, если будет присутствовать при встрече, то любую ссору может погасить.

— Что ж, — сказал, помолчав, Потапов, — пусть будет так. — Он встал, выпил воды. — В остальном — как решили: ежели сообщат, что Андриевский выехал в одном поезде с Лидией или приедет завтра днем, а не вечером, Гавронскую срочно вызываем на свидание с сыном. Ее Андриевский не должен видеть…

Да, Гавронскую он не должен был видеть. Хитрая лиса, Андриевский непременно бы выведал у нее: с каким паролем я к ней явился? А ни я, ни она пароля не знали.

Я переоделся. В два часа я стоял шагах в двадцати от платформы, укрывшись за пролетками, ожидавшими прихода поезда. Но видел всю платформу.

Наконец поезд прибыл. Из вагонов хлынули люди, и я тут же заметил ее стройную фигуру. В руке та же сумочка, а томика Гоголя я не заметил. Лидия не оглядывалась, не искала меня. Она пересекла привокзальную площадь. За ней никто не следовал.

Едва она свернула за угол, я догнал ее и взял под руку. Вздрогнув, Лидия рванулась в сторону, рука ее скользнула в карман.

— Не волнуйтесь, гражданка, — сказал я.

Она засмеялась.

— Как ты меня испугал! Господи, я решила, меня берут. Душа в пятки ушла. — Мы шли по улице. — Все хорошо, Ваня. Просто отлично. Вон тот в шляпе не следит за нами?

Какой-то тип в темной шляпе на другой стороне улицы открыто глазел на нас. Он смотрел на Лидию. Я бы тоже глядел на нее.

— Что делал без меня? Где вечером был?

— Скучал, ждал тебя. Читал «Записки охотника» Тургенева и ждал…

Пират был в восторге. В гостиной Лидия упала в кресло.

— Приехала… Ужасно я голодна, но потом поедим. Подвинь кресло, садись… Вот так. Теперь слушай…

В Харькове с вокзала она сразу отправилась по адресу. Дом оказался почти рядом, минут пятнадцать ходьбы. Лидия поднялась на второй этаж, позвонила, как было условлено: один длинный, короткий, снова длинный. И опять короткий. Дверь открыл солидный мужчина, лет под шестьдесят.

— Разрешите вам вернуть томик Гоголя, — сказала она.

Он впустил ее, тут же запер дверь. Провел в столовую, усадил. И тогда только заговорил:

— Здравствуйте, Лидия Викторовна, — произнес он и сел сам. — Я вас сразу узнал, хотя видел еще девочкой с косичками у вашего дяди, врача Алексея Сергеевича Золотарева. Я — Степан Тихонович Сазонов. Дядя ваш сейчас в моем доме живет. Как он? Как моя семья?

— Все хорошо, — сказала Лидия.

— Жену мою никуда еще не вызывали?

— Никуда, — ответила она. — Вы же знаете, дядю красные очень уважают. В доме все отлично. — Она помедлила и решительно сказала: — Мне срочно нужно видеть Андриевского. — Сазонов даже вздрогнул при имени капитана, и она поняла, что он трусит.

— Очень срочное дело к нему, — добавила Лидия.

— Хорошо. Я вас провожу к одному человеку. — Он умолк, долго смотрел на нее. — Лидия Викторовна, — заговорил он тихо, умоляющим голосом, — посмотрите вы на себя, подумайте о своем будущем! Милая вы моя, я хорошо знаю вашего дядю, знал вашего отца. Он был открытый и честный солдат. Но Андриевский… Примите мой совет: прервите с ним всякие

отношения! Если сегодня увидите его, завтра же бегите отсюда! Он вас погубит. Денег я вам дам, деньги есть у меня. Езжайте в Москву. Остановитесь у моих знакомых. Вас примут там. А потом вернетесь к Алексею Сергеевичу. — Он некоторое время молчал, сжав ладонями голову. — Куда Андриевский меня затащил! По его настоянию я скрыл здесь, дурак, что у меня паровая мельница в Екатеринославе, что там живет моя семья… Он запугал меня перед приходом красных, Лидия Викторовна! Я с чужим паспортом живу! Я в подполье! Вы понимаете? А здесь, в Харькове, спокойно служит в губпродкоме бывший владелец сахарного завода. Бывший владелец двух кирпичных заводов живет в соседнем доме. И его не трогают? А я в каком положении? Екатеринослав рядом, там семья, а здесь каждую минуту могут признать меня на улице знакомые! Боже, боже! — И Сазонов забегал по комнате. — Но я не заговорщик, Лидия Викторовна!

— Я смотрела на него, Ваня, слушала. Мне стало противно. А он на колени стал и говорит: «Голубушка, Лидия Викторовна, если нет особой нужды в Андриевском, уезжайте сейчас же в Москву».

— Мне нужно встретиться с Андриевским, — сказала Лидия твердым голосом.

Старик поднялся с колен.

— Хорошо, — согласился он, — я отведу вас к тому человеку. Но передайте капитану: ко мне больше никого пусть не присылает и сам у меня не появляется. Больше никаких поручений я не приму.

В дачный поселок пошли они пешком. Пришли скоро, потому что Сазонов почти бежал бегом. В поселке, тяжело дыша, Сазонов указал ей издали дом под зеленой крышей. Там Лидия должна сказать человеку с протезом на правой ноге, что она от Сазонова, ей нужно заказать пенсне. Сазонов с ней даже не простился, потрусил прочь.

Она вошла во двор указанного дома. Возле крыльца стоял чернобородый человек с топором в руке.

— Добрый день, — сказала Лидия.

— День добрый, — ответил он и направился к гостье, сильно припадая на правую ногу. — Чему или кому обязан вашим посещением, прелестная девушка? — сказал он игривым тоном.

— Я от Сазонова. Он сказал, что у вас можно заказать пенсне по рецепту врача.

— А в городе разве нет мастеров?

— Мне нужно срочно. Для дяди. Сегодня же, а в городе срочно не делают.

— Проходите в дом. Придется подождать часа полтора, два. Вас устроит?

— Вполне.

В доме он представился ей только по фамилии — Игреневым. Угощал фруктами. Рассказал, как его ранило снарядом, как он лежал в госпитале, откуда и выписали и отпустили на все четыре стороны. Дом этот принадлежал его родителям, в восемнадцатом году они умерли от тифа. И он стал жить здесь, одинокий и всеми забытый. Но в один прекрасный день к нему вдруг явился Андриевский.

— Я узнал вас сразу по описанию Андриевского, — сказал он, — и по фотокарточке. Андриевский мне показывал. Вы прелестны… Где скрывается капитан, я не знаю. Но он ждет вас и как раз сегодня должен навестить меня…

Игренев попросил Лидию похозяйничать в доме. Обязанности поваренка и мальчика на побегушках он берет на себя. И они принялись готовить обед. Лидия беспокоилась, вдруг Андриевский не придет, вдруг с ним случилось что.

— Придет, придет, Лидия Викторовна, — утешал ее Игренев. — Вы еще мало его знаете. Скорей земля в обратную сторону завертится, чем случится с ним беда.

— Но я боялась, Ваня! Так хотелось скорей вернуться к тебе! Я боюсь за тебя, Ваня, очень боюсь. Вот чувствую, какая-то беда висит над нами! Но когда увидела Андриевского, страх отпустил меня разом. И он обрадовался мне. Никогда я не видела его таким веселым. План наш одобрил. Сказал, что ко мне он не пошел бы, к Гавронской тоже, ибо она дура набитая. Про тебя много расспрашивал… Ох как я тебя ругала, Ванечек, чтоб не выдать себя! Ты и злой, и противный, и ни словом не обмолвился, с какой целью приехал. Будто бы увязывался в Харьков со мной и я с трудом отговорила. Так я тебя расписала! А он, знаешь, что сказал: «Ничего, Лидия, мы его укротим». Понимаешь? Осторожней будь. А дальше слушай, Ваня. — Она закрыла лицо руками, потом отняла их. — Ужас! Они хотят тебе поручить взрыв моста здесь. Но ведь теперь же невозможно его взорвать! Тебя схватят, Ваня, или убьют. И все же при встрече ты согласись. А через день-два мы исчезнем.

— Мерзавец, — проговорил я. — Я его пристрелю как собаку. — Тут я переиграл. Не надо было говорить подобного.

— Ваня! — закричала она. — Нет, нет! А то я не пойду в театр с Гавронской. Не пойду, не оставлю я тебя!

И я, спохватившись, рассмеялся.

— Не буду, не буду ссориться. Просто противно стало. Соглашусь. А дня через два уедем.

— Уедем, уедем. И вот как: в мельничной конюшне стоят две лошади. А конюхом там работает наш человек. Он отвезет нас в Синельниково, а оттуда…

— Ясно, — прервал я ее. — Так и сделаем.

Мы поймали петуха. Приготовили обед. Лидия собиралась к Гавронской, а от нее к Золотаревым.

— Тете скажу, что я ездила в Новочеркасск. Им писала, но при новой власти почта так хорошо работает! Наговорю всякого. Тетя от радости и слушать не будет.

На углу мы с ней расстались.

— Добре, добре, — повторял Потапов, слушая меня.

Мне показалось в этот раз, будто он подстегивает меня, чтоб я поскорей закруглялся.

— Одно мне теперь полностью ясно, — сказал он, едва я умолк. — Красотка эта Лидия тебе доверяет. Раньше я сомневался, но теперь вижу — доверяет полностью. Далее. Я не уверен, что капитан завтра приедет вечерним поездом. Как он доберется сюда, не могу сказать, но появится он сегодня ночью, либо завтра вечером. Если и сообщат, что он выехал в поезде, он сойдет, не доезжая до города, на какой-нибудь станции. И будет, наверное, без пенсне. Так вот.

Дом Сазоновых уже обложен. Завтра, часов в десять утра, мадам Сазонова получит телеграмму от своего сбежавшего мужа, и по его просьбе срочно вместе с детьми выедет к нему в Харьков. Окна квартиры Сазоновой будут светиться. Там под видом соседки будет сидеть наша сотрудница. Ежели Андриевский заглянет к ней, она скажет, мол, хозяйка Елизавета Петровна с детьми уехала на два дня в Илларионово и попросила покараулить квартиру. Но он к ней может и не зайти, а прямо постучаться к Золотаревым. Тут ему и конец.

— Теперь уж не уйдет от нас! — сказал я.

…Потапов ушел, я спустился в столовую, чего-то пожевал и поплелся на Садовую, 6. Помню, листья с кленов и тополей уже покрывали тротуар, помню, как шелестели они под ногами. Солнце уже скрылось за домами, но еще не стемнело.

Лидия была на кухне. Она вскрикнула, увидев меня. Уже потом, перебирая в памяти наши встречи с ней, я вспомнил: когда она бросилась ко мне, то как бы машинально задвинула рукой ящик стола. Тогда я не обратил на это внимания. Видел только ее.

Мы стояли обнявшись, она говорила счастливым голосом:

— Все хорошо, Ванечка, все просто замечательно! Знаешь, я у

тебя умница. По пути к Гавронской я опомнилась: хоть время страшное и не до этикета, но явиться к ней я должна не одна. Побежала к тете, рассказала ей о Борисе Гавронском, повела к Гавронской. Там были сплошные восклицания, объятия и слезы…

Ночь прошла спокойно. Проснулись мы рано. Позавтракали и принялись искать чемоданчик с драгоценностями.

— Узенький такой саквояжик, — говорила Лидия. — Из кожи. С двумя замками и с ручкой…

Когда еще они с Андриевским пробирались в Екатеринослав, Лидия не выпускала чемоданчик из рук. Здесь отдала его Тарасову, чтоб он понадежнее спрятал.

— Послушай, а не мог он унести его куда-нибудь? — спрашивал я.

— Нет. Он сказал, что в доме спрятал.

— А если обманул?

— Исключено. Ведь я могла каждую минуту потребовать мои драгоценности. Да и зачем ему они. Он и сам богатый был. Столько золота привез!

С серьезнейшим видом я простукивал стены. Лидия следила за моими действиями. Она была очень взволнована.

Под ковриком в гостиной она вдруг обнаружила темное пятно и вроде бы трещины. Я отбил штукатурку. Слой был толстый, четыре или пять сантиметров, но тайника здесь не было. Мы перерыли все в доме, спустились в подвал. Там стояли лари с мукой, висели на крюках копченые окорока, на полках лежали пласты сала. Стояли две дубовые бочки с вином. Но драгоценностей нигде не было.

Под полом веранды я обнаружил лазейку в чуланчик без дверей. Там в мешках лежала взрывчатка в виде шашек граммов по четыреста, в ящике — револьверы. Лидия об этом ничего не знала.

Во дворе был еще один погреб. Там стояли бочки с солеными огурцами, мочеными яблоками… Часу во втором дня мы, измученные и грязные, выбрались на воздух. Сидели на веранде, отдыхали. Пират смотрел на нас и вилял хвостом.

— Ну куда, куда он, дурак старый, мог запрятать! — повторяла Лидия.

— Ничего, — утешал я ее, — нам не сегодня, не завтра ехать. Найдем. А не найдем чемоданчик, без него обойдемся. Не пропадем. Главное — мы будем вместе. А вдвоем мы пробьемся в жизни, будем работать и учиться.

В пять часов Лидия умылась, переоделась и пошла к тете. Она была спокойна. И я с каким-то душевным облегчением пошагал к гостинице. Об операции почти не думал — все будет отлично.

Никакой новой инструкции от Потапова в гостинице я не обнаружил. Значит, все нормально.

Уже смеркалось. Двухэтажный дом Сазонова стоял на углу, образованном улицей Гоголя и каким-то узким переулком. Два окна в нижнем этаже светились. Во дворе, во всем доме стояла тишина. Я поднялся на второй этаж. Вот дверь квартиры № 2, где затаились чекисты. Ключ от квартиры Золотаревых лежал у меня в кармане. Я отпер дверь, прошел в кухню. Чиркнул спичкой, увидел на столе высокую лампу и зажег ее. Враз заблестела на полках начищенная посуда и большой медный самовар. Взяв лампу, я пошел по квартире. В столовой было уютно, красиво. Отсюда одна дверь вела в спальню, другая в кабинет Золотарева. Дверь черного хода запиралась внутренним замком. Ключ торчал в нем. Я сунул его в карман и вышел через садовую калитку в переулок. Здесь людей не было. Я быстро перешел на другую сторону. На углу стоял толстый тополь. Я спрятался за него и оглядел улицу Гоголя. Справа от меня около соседнего дома сидели люди на лавочке, негромко разговаривали. Я взглянул на освещенные два окна столовой Золотаревых и замер: какая-то женщина в черном платке мелькнула за окном и пропала. Я бросился в дом. Лидия, уже сбросив платок, стояла и смотрела на меня.

— Лида? Что случилось?

Она прижалась ко мне.

— Ты здесь, Ваня, ты цел, с тобой ничего, — шептала она. Голос ее срывался. — Их еще нет?

— Что случилось? — потряс я ее за плечи. Мне стало жутко.

Но, как оказалось, ничего не случилось. Просто Лидия, войдя в фойе театра вместе с Золотаревыми и Гавронской, поняла, что спектакль смотреть не в состоянии.

— Я, кажется, сказала им, что забыла запереть дом, оставила примус горящим. Пообещала сейчас же вернуться обратно. На пролетке примчалась сюда. Ваня, их нет еще?

Я справился с собой.

— Готовь самовар, — сказал я довольно жестко. — Сейчас придут. Я понаблюдаю, не будет ли за ними слежки какой.

В ту пору с наступлением темноты люди предпочитали сидеть дома. Я стоял за деревом. Мимо прошли трое подвыпивших мужчин. Кто они? В конце переулка появилась одинокая фигура. Человек заметно прихрамывал. Я догадался, что это бывший офицер Игренев, о котором рассказывала Лидия. Он повертел головой и, пройдя к дому Золотаревых, юркнул в калитку. И опять потянулось для меня время!.. Появился человек

в фуражке и со свертком в руках и скрылся во дворе. Минут через десять я увидел невысокого человека. Что-то подсказало мне: Андриевский! Я прилип к тополю и достал пистолет. Человек остановился шагах в трех от меня, блеснуло пенсне. Я слышал его дыхание. Должно быть, он бежал только что. «Если сейчас появятся прохожие, он спрячется за тополь. Надо будет оглушить его, заткнуть рот и связать ремнем». Я выглянул: Андриевский стоял и смотрел на освещенные окна дома Золотаревых. В одном окне мелькнула головка Лидии. Через некоторое время там же стал виден человек в фуражке. Он снял ее, пригладил волосы.

Андриевский пошел. Не к дому Золотаревых, а прочь. Какая осторожность!

Но вот опять шаги — Андриевский возвращался. Я видел, как он возле калитки Золотаревых помедлил, наклонился, вроде поправляя что-то на ноге, должно быть все остерегался войти. Но вдруг распрямился и мигом исчез во дворе.

Минут через пять я вошел в дом. На кухне шумел самовар. Лидия готовила бутерброды.

— Все уже собрались, ждут тебя. Я сказала, что ты наблюдаешь, нет ли хвоста.

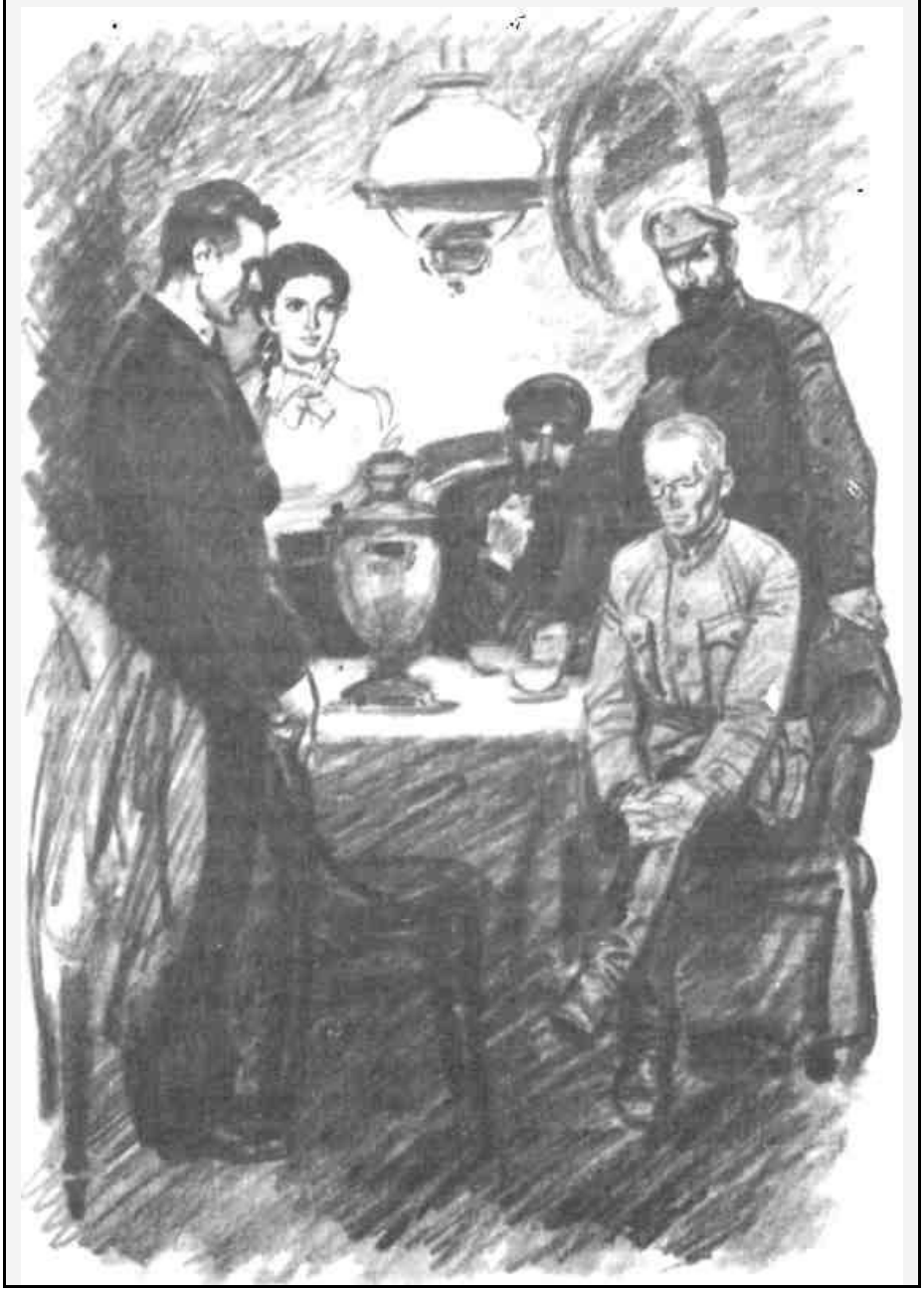
— Неси бутерброды, — сказал я и, взяв самовар, последовал за ней. Руки мои были заняты, и то, что дверь осталась открытой, о чем просил меня Потапов, не могло вызвать ни у кого подозрения.

Помню, я сразу увидел пенсне в тонкой золотой оправе на худощавом лице. Все трое сидели за столом.

— Здравствуйте, господа, — сказал я, поставив самовар, и отрекомендовался: — Штабс-капитан Буданцев. — Они молча смотрели на меня. — Лидия Викторовна рассказала вам обо мне.

Лидия наливала чай в чашки, большой самовар закрывал от меня ее лицо.

— Я рад вас видеть, господа, — сказал я. — Сегодня мы будем кратки. Первое: почему не был взорван мост? Задание лежало на группе Андриевского. Каковы причины, господа?



Я видел, как лицо Андриевского перекосила гримаса. Он вскочил. Двое других медленно поднялись, не спуская с меня глаз.

— Предъявите ваши документы, — тихо, с угрозой произнес Андриевский.

Я понял, что еще минута и они догадаются.

— Я жду, — проговорил Андриевский.

И в этот момент в комнату ворвались чекисты. Потапов метнулся к Андриевскому, заломил ему руки за спину. Один из чекистов должен был взять меня. Как только он меня повалил, раздался выстрел. Это застрелилась Лидия…

Вернувшись в свой номер, я свалился на кровать. Закусив подушку, лежал молча ничком. Долго я лежал.

Пришел Потапов, и я рассказал ему, что Лидия любила меня.

Как он набросился на меня! Почему я раньше не сказал ему об этом?! Он бы не допустил гибели Лидии.

Ни раньше, ни позже никто так не ругал меня, как Потапов в ту ночь.

— Эх, болван, болван! — возмущался он. — Да мы бы тебя с ней в самое гнездо крымской белогвардейщины заслали, а потом бы и в Париж в эти самые их эмигрантские центры!..

Лидию хоронили Золотаревы и Гавронская. Я тоже был на кладбище.

Бориса Гавронского осудили условно на два года. Дело Андриевского и его соучастников перешло в Екатеринославский губотдел ВЧК.

Много позже, когда я работал уже в Областном Кубаночерноморском отделе ВЧК — ОГПУ, знакомый сотрудник Екатеринославского отдела ВЧК мне рассказал, что в одном из дворов Екатеринослава под пустой собачьей будкой ребятишки нашли полусгнивший чемодан с драгоценностями.

Весьма возможно, что это был чемоданчик Лиды, а собачья будка — будка Пирата.